

809 : 398

Д 218

Даш

811

Д 21

ВОПРОСЪ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ

ЭПОСА О ЖИВОТНЫХЪ

ПО ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ ПОСЛѢДНЯГО ТРИДЦАТИЛѢТИЯ.

Проф. Н. Дашкевича.

22 ФЕВ 1954

Київський Держ. Медичний Ін-т	
БІБАЧЕНКА	
Відділ.	10463
Інв. №	198126

В.

ФУНДАМЕНТАЛЬНИЙ ФОНД

КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета Св. Владимира Акц. О-ва печ. и издат.
дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, д. № 6.

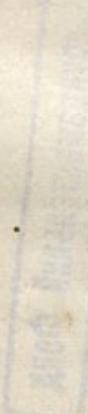
1904.

БОЛГОР
ПАВЛЕНКИ Н. ПИЕДЖОХНОП О
СЕЗАР В ЖИВОПИСИ

Издательство Студии Академии художеств

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1883 и 1904 г.

авиакомпания Аэрофлот

La puissance de création épique appartient à l'homme. Ce n'est pas une prérogative d'un peuple, né sous une bonne étoile; c'est une faculté de l'humanité, parvenue à un certain développement. Ce n'est pas une question de climat ou de frontières, c'est une question de degré de civilisation. La race y est pour peu de chose, tout dépend de l'âge d'un peuple.

Potvin.

Настоящій очеркъ имѣть цѣлью обратить вниманіе читателей на крупныя пріобрѣтенія, которыми обогатилось сравнительное изученіе народной поэзіи и находящейся въ связи съ нею литературы, въ трудахъ русскаго ученаго Л. З. Колмачевскаго: „Животный эпосъ на западѣ и у славянъ“, Каз. 1882, и въ цѣломъ рядѣ работъ Западныхъ ученыхъ. Какъ известно, чѣмъ болѣе расширяется изученіе произведеній народной словесности и ея литературныхъ отголосковъ, тѣмъ болѣе выясняется существованіе огромнаго количества сходныхъ отдельныхъ мотивовъ и цѣльныхъ сказаний у различныхъ народовъ, и въ послѣднія десятилѣтія ученые постоянно задавались вопросомъ о причинѣ подобныхъ сходствъ и пытались такъ или иначе решить его. Быть можетъ, подобные опыты обречены покамѣстъ на неудачу, но неправильность постановки этой интересной проблемы, патянутость гипотезъ, выдвигаемыхъ въ разъясненіе ея, приносятъ хотя бы отрицательную пользу и постепенно приближаютъ науку къ болѣе удовлетворительному представлению о про-

исхожденіч тѣхъ довольно обширныхъ цикловъ повѣстований, которые въ большемъ или меньшемъ объемѣ составляютъ повсюду содержаніе народной словесности и вліяютъ также на литературу до той поры, пока вслѣдъ за образованностью она не отрѣшился отъ господства миѳическихъ и т. п. вѣрованій и народной поэзіи. Лучшій путь къ освѣщенію этого темнаго начальнаго периода исторіи народной словесности заключается въ возможно полномъ и обстоятельномъ сравнительномъ изученіи развитія отдѣльныхъ частныхъ темъ въ народномъ творчествѣ различныхъ странъ. Такое изученіе подвигнулось впередъ въ особенности въ послѣдніе годы, когда явился цѣлый рядъ специальныхъ монографій и, вслѣдъ за журналомъ *Mélusine*, стали выходить во многихъ странахъ Запада другія periodическія изданія, посвященные исключительно народной поэзіи.

Народная поэзія и ея темы дѣлятся, при такомъ сравнительномъ изученіи, на нѣсколько разрядовъ, но при изслѣдованіи каждого изъ нихъ представляются въ сущности однѣ и тѣ же главныя трудности, и выясненіе частностей одного отдѣла нерѣлко существенно вліяетъ на объясненіе произведеній другихъ.

Въ области повѣстовательной и сказочной народной литературы можно достигнуть сравнительно большей вѣроятности при изученіи сказаний о животныхъ, въ особенности—if оставить въ сторонѣ тѣ разсказы о нихъ и повѣрья, которые вяжутся весьма тѣсно съ миѳологіей и вплетаются въ общую систему миѳического мировоззрѣнія. Разсказы о животныхъ, не заключающіе въ себѣ обычной сказочной чудесности и придерживающіеся дѣйствительнаго міра болѣе остальныхъ народныхъ сказаний, повидимому, уже въ силу простоты и обособленности своего содержанія, могутъ подвергаться въ меньшей степени смѣшанію и переплетенію, обычному въ народномъ эпосѣ, и поддаются гораздо легче анализу. Интересъ ихъ съ этой точки зренія увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что для *историческою* изученія эпоса о животныхъ имѣются довольно древнія данныя не только въ восточной, но и въ классической литературѣ; можно пожалѣть только, что не сохранились сказки классическихъ народовъ въ болѣе или менѣе безыскусственномъ видѣ.

Пользуясь дошедшими до насъ древними литературными обработками народныхъ сказаний, съ тридцатыхъ годовъ XIX-го вѣка начали пытаться восстановлять литературную исторію позднѣй-

шихъ и современныхъ произведеній европейской народной словесности, и уже многія изъ этихъ послѣднихъ лишились того обаянія глубочайшей древности, которое придавало имъ прежде весьма высокую цѣну въ глазахъ изслѣдователей, отыскивавшихъ въ нихъ слѣды вѣрованій весьма отдаленного времени. Намъ приходится теперь постоянно разубѣждаться въ возможности найти такой отголосокъ старины, болѣе или менѣе свободный отъ цѣлаго ряда позднѣйшихъ примѣсей и переработокъ.

Весьма важно подвергнуть подобному разсмотрѣнію эпосъ о животныхъ. Его не перестаютъ (Касиари въ Бастианѣ) до послѣдняго времени считать однимъ изъ древнѣйшихъ пластовъ народнаго эпоса, но возникаетъ сомнѣніе, не подтвердится ли и относительно его наблюдение, вынесенное изъ изученія прочей народной повѣствовательной литературы?

Это сомнѣніе рѣшалось уже не разъ въ положительномъ смыслѣ, но никто еще не пытался обосновать его съ такою обстоятельностью, какая отличаетъ трудъ г. Колмачевскаго, который собралъ весьма много материала для рѣшенія вопроса о происхожденіи средневѣковыхъ и современныхъ животныхъ сказокъ и подвергъ ихъ весьма тщательному сравненію. Нельзя сказать, чтобы Л. З. Колмачевскій затронулъ вопросъ во всей его полнотѣ и привлекъ къ разсмотрѣнію весь материалъ, какой причастенъ къ эпосу о животныхъ, но онъ не имѣлъ въ виду разсмотрѣнія всѣхъ западныхъ и славянскихъ вѣрованій, относящихся къ животному миру; онъ ограничился областью одной животной сказки, въ которой сводить понятіе „животнаго эпоса“, и ее сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія. Такое ограниченіе и суженіе изслѣдованія преимущественно кругомъ арійскихъ народностей Европы вполнѣ понятно при крайней широтѣ науки о народности, при обилии материаловъ ея и чрезвычайной трудности собирания ихъ. Сверхъ того, оно содѣйствуетъ значительному упрощенію задачи, отнимая въ тоже время даныя, которыя могли бы иной разъ оказаться весьма пригодными. Г. Колмачевскій разсмотрѣлъ въ извѣстныхъ предѣлахъ съ замѣчательною обстоятельностью собранный имъ материалъ, подвергнувъ его предварительно систематическому распределенію. Научный методъ г. Колмачевскаго отличается надлежащею строгостью. Авторъ смѣло пошелъ при этомъ на встрѣчу многимъ изъ представлявшихся весьма трудныхъ вопросовъ, и все это сообщаетъ его труду высокій интересъ и значеніе.

Вдаваться въ провѣрку частностей изслѣдованій и выводовъ г. Колмачевскаго мы не имѣли въ виду въ настоящей замѣткѣ: чтобы вѣско поспорить съ авторомъ обѣ этихъ частностяхъ, надо было бы быть Liebrecht'омъ и Köhler'омъ, или же посвятить эпосу о животныхъ столько же усиленнаго и добросовѣстнаго труда, сколько удѣлилъ ему авторъ, съ рѣдкою преданностю дѣлу не поощрившій вдобавокъ и весьма крупныхъ материальныхъ затратъ, благодаря которымъ успѣль составить весьма цѣнное собраніе книгъ по народной словесности, какое рѣдко можно встрѣтить въ Россіи.—Мы предположили остановить вниманіе читателей на тѣхъ весьма интересныхъ общихъ выводахъ, къ которымъ пришелъ почтенный изслѣдователь. Само собою разумѣется, что современная наука не можетъ имѣть притязаній на полное устраненіе сомнѣній при решеніи такого сложнаго и труднаго вопроса, каковъ разсматриваемый авторомъ, и въ виду того, излагая взгляды г. Колмачевскаго, мы позволимъ себѣ сопровождать ихъ по временамъ такого рода сомнѣніями, являющимися въ виду противоположныхъ взглядовъ, и указаніями на тѣ трудности, съ которыми придется бороться будущему изслѣдователю и послѣ труда г. Колмачевскаго. Дорожа строгостью научныхъ пріемовъ, г. Колмачевскій однако, въ своихъ обобщеніяхъ, кажется намъ, переступалъ по временамъ предѣлы знанія, устанавливаемаго съ полною достовѣрностью, и высказывался слишкомъ рѣшительно по такимъ вопросамъ, которые еще не поддаются окончательному разрѣшенію. Нѣкоторыя изъ общихъ соображеній г. Колмачевскаго, положенныхъ въ основу частныхъ разысканій, нуждаются, повидимому, въ подкрѣпленіи болѣе обстоятельными данными.

Выходы г. Колмачевскаго касаются происхожденія эпоса о животныхъ вообще и относятся далѣе, въ частности къ эпосу западноевропейскихъ народовъ и славянъ. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ мнѣнія г. Колмачевскаго.

I.

Теорія возникновенія эпоса о животныхъ выведена г. Колмачевскимъ изъ критической оцѣнки важнѣйшихъ мнѣній обѣ этомъ предметъ, и затѣмъ подтверждена разсмотрѣніемъ сказаний, которыми авторъ занялся специально въ разсматриваемой монографії.

Вопроſъ обѣ эпосѣ о животныхъ былъ поставленъ отчетливо въ наукѣ впервые знаменитымъ основателемъ германской филологии, Яковомъ Гриффомъ. Этотъ ученый выдвинулъ и защищалъ теорію о

существованиі первобытной связной саги о животныхъ (Thiersage), о существованиі „животной эпохи“, которая была будто бы древнимъ общимъ достояніемъ народовъ, вытекала изъ особенностей народного духа и принадлежала къ его потребностямъ.

Г. Колмачевскій принялъ мнѣніе противоположное и полагаетъ, что „животная сага“ (Thiersage) вообще не существовала; на первыхъ порахъ сложилась „животная сказка“ (стр. 53).

Этотъ послѣдній терминъ еда-ли примѣнимъ къ древнѣйшимъ сказаніямъ о животныхъ, потому что въ то время разсказы о нихъ не могли получить характера и значенія современной сказки, на которую народъ смотрѣтъ нерѣдко, какъ „на складку“. Съ другой стороны, не представлены достаточныя основанія для отрицанія древней „животной саги“. Собственно говоря, мы можемъ только гадательно возстановлять начальные моменты развитія поэзіи вообще и въ частности эноса о животныхъ, но если взвѣшивать факты, уже установленные наукой, то перевѣсь оказывается на сторонѣ гипотезы о животной сагѣ. Нѣть ничего невѣроятнаго въ существованиі народныхъ сказаний о животныхъ въ довольно связной формѣ, приближающихся въ цѣломъ къ тому, что обыкновенно называются сагою. Соображенія Гrimма о томъ, какъ относился первобытный человѣкъ къ миру звѣрей, не могутъ быть названы лишь блестящими научными фантазіями: ихъ признаетъ весьма удачными даже такой знатокъ теоріи литературнаго перехода различныхъ народныхъ сказаний, какъ Либрехтъ¹⁾. Въ послѣднее время эти страницы знаменитаго введенія Grimma къ Reinhart—Fuchs'у получили новое и весьма вѣжкое подкрѣпленіе въ изслѣдованіяхъ о первобытной культурѣ, и мы еда-ли вправѣ обойти соображенія о ней, говоря о древнѣйшихъ народныхъ сказаніяхъ о животныхъ. Вообще трудно рассматривать поэтическое творчество на первыхъ ступеняхъ развитія въ отрѣшеніи отъ религіозной вѣры. Человѣкъ не могъ передавать тогда свое отношеніе къ животному миру только въ „животныхъ сказкахъ“: представлениа о животныхъ отражали вліяніе общихъ вѣрованій и являлись ихъ частью²⁾. Живот-

¹⁾ Zur Volkskunde, Heilbronn 1879, стр. 17.

²⁾ До извѣстной степени то-же мнѣніе высказалъ А. Н. Веселовскій, со статьею котораго нѣсколько разъ соглашается г. Колмачевскій: „животная сказка — прямое продолженіе животнаго миѳа“, говорить г. Веселовскій. Вѣстникъ Европы 1873, № 10, стр. 657.

ный міръ получиль свою исторію, окрашенную фантастикою, а не исключительно реальнуу, выдвигавшую на первое мѣсто тѣ или другія черты нрава, замѣченныя въ различныхъ животныхъ. Животному міру принадлежало видное положеніе въ первоначальныхъ предста-
вленіяхъ, и основа древняго эпоса о животныхъ коренилась въ общемъ религіозно-поэтическомъ созерцаніи природы, въ чувствѣ страха, удивленія, религіознаго почтенія къ животнымъ. Не одна сила нѣкоторыхъ изъ нихъ внушала такое чувство человѣку: многое казалось въ нихъ таинственнымъ и неизвѣданнымъ, а кое-чему человѣкъ могъ даже поучиться у животныхъ. И было такъ не только на первыхъ порахъ. Конечное слово древней науки по отношенію къ животному міру состояло въ признаніи превосходства животнаго надъ человѣкомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ новой Европѣ до конца XVII в. и даже до половины XVIII в. повторялся древній обычай формального суда надъ животными по обвиненію ихъ въ какихъ-нибудь проступкахъ¹⁾.—Представленія о животныхъ могли слагаться въ ряды рассказовъ, составлявшіе связное цѣлое, насколько такое мыслимо въ народномъ эпосѣ. Эти сказанія должны были занять мѣсто рядомъ съ эпосомъ о богахъ и герояхъ, и о животной сагѣ можно говорить постольку же, поскольку можетъ быть рѣчь о сагахъ божескихъ и героическихъ. А можетъ быть станутъ отрицать и эти послѣднія и будуть доказывать, что изначала были только *сказки* о богахъ и герояхъ?

Г. Колмачевскій, желая, вѣроятно, оставить въ сторонѣ все, что не относится прямо къ эпосу индо-европейскихъ народовъ, обошелъ вопросъ о первоначальномъ отношеніи человѣка къ животному міру, которое существенно вліяло на зарожденіе эпоса о животныхъ, и не коснулся выводовъ новѣйшихъ изслѣдователей, напр. Тэйлора и Спенсера, о тотемизмѣ и другихъ фазахъ первобытныхъ вѣрованій; лишь изрѣдка онъ вдается въ отдѣльныхъ случаяхъ въ краткія предположенія о „понятіяхъ младенческой эпохи“ (стр. 30), о дикаряхъ (31) и т. п. Г. Колмачевскій сосредоточилъ все вниманіе на возраженіяхъ, выдвинутыхъ противъ теоріи Гrimма, и къ сказанному другими присоединилъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній.

¹⁾ Bibliothèque de poche par une sociéte de gens de lettres et d'érudits, Paris 1847, p. 429—436. См. также Lange, Gesch. d. Mater., I (1876), 201.

Въ оправданіе Гrimма можно сказать прежде всего, что онъ не держался до конца того взгляда, будто животная сила составляетъ преимущественное достояніе нѣмецкаго народа. Онъ даже не отрицалъ притока индійскихъ сказаній. По мнѣнію Гrimма, Бенфеемъ указано много соприкосновеній индійскихъ сказокъ съ европейскими, но изъ этого сходства нельзя выводить вмѣстѣ съ Бенфеемъ заключеніе о переходѣ сказокъ въ Европу съ востока въ позднѣйшее время: изъ Индіи могло быть принесено нѣчто чрезъ Персію и Малую Азію къ грекамъ, чрезъ Скиоію и Оракію къ германцамъ и славянамъ, но у *вспомѣнѣнія ихъ* и безъ того давно уже были главныя черты сказаній о животныхъ. Появленіе различныхъ сказочныхъ сборниковъ заставило Гrimма поступиться частью своей теоріи: Гrimмъ призналъ животную сагушироко распространеннымъ явленіемъ: „необыкновенная полнота, говорить онъ, этихъ теперь только произведеній жатвъ сагъ въ Скандинавіи, Лапландіи, Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи, Литвѣ и почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ—у Русскихъ, Сербовъ, Хорватовъ, Мораванъ и Чеховъ—поможетъ намъ внезапно открыть и освѣтить пробѣлы и темные мѣста нашего нѣмецкаго преданія“.

Нельзя сказать, что мнѣніе Гrimма объ общеарійской основѣ сказаній о животныхъ ничѣмъ не подтверждается. Въ народныхъ представленіяхъ о животныхъ встрѣчаются такія мелкія черты, повторяющіяся повсюду, которыя едвали могли распространяться путемъ позднѣйшаго перевода: это можно сказать, напр., о названіи божьей коровки (*coccinella seppunctata*). Оказывается, что слѣды древнѣйшихъ представлений о животныхъ живутъ доселѣ въ нѣкоторыхъ народныхъ названіяхъ.

Г. Колмачевскій соглашается, повидимому, съ указаніемъ на отсутствіе слѣдовъ „нѣмецкой животной саги“ за предѣлами Фландріи—у другихъ германскихъ племенъ и отмѣчаетъ вслѣдъ за Мейнеромъ тотъ фактъ, что, если были гдѣ-нибудь въ нѣмецкихъ земляхъ изображенія изъ области животной саги, то они указываютъ „на развитіе средневѣковаго животнаго эпоса изъ классической басни съ извѣстной примѣсью другихъ элементовъ, притомъ на развитіе его въ монастырскихъ стѣнахъ“ (стр. 23—24).

Но въ Англіи не безъ значенія было то обстоятельство, что германское населеніе ея принадлежало первоначально къ морскимъ пиратамъ, которые, конечно, не могли сохранять сказаній о животныхъ, могущихъ

развиться у населения, прикрепленного къ известной местности. Въ новѣйшей же Англіи мы не видимъ глухихъ уголковъ, а развитіе городской жизни значительно подрываетъ чисто народную поэзію, въ особенности тѣ отдельныя, поддержаніе и процвѣтаніе которыхъ въ народѣ обусловлены наивною вѣрою и приверженностью къ старинѣ. Интересно въ этомъ отношеніи наблюденіе, вынесенное покойнымъ Колосовскимъ изъ путешествія по Новгородской губерніи, которая, какъ его увѣрали, „хранить очень мало сказокъ“; и по его личнымъ наблюденіямъ, „губернія эта бѣдна народно-поэтическими произведеніями вообще“¹⁾.

Что до скандинавскихъ земель, то Kölbing напечаталъ не такъ давно древнее исландское стихотвореніе, относящееся къ сагѣ о лисѣ и написанное не позже XV-го столѣтія и не раньше конца XIV-го. Издатель считаетъ это стихотвореніе не народнымъ и сближаетъ по проникающему ему поученію съ древне-немецкой *bîspel*, но интересна самая попытка литературной обработки сюжета, въ особенности—въ виду *цѣлаю ряда* характерныхъ названій для лисы въ древне-сѣверныхъ памятникахъ, которые указываютъ на сложившіяся въ народѣ представленія объ этомъ животномъ, свободныя отъ книжнаго влиянія. Нѣкоторые изъ этихъ названій лисы перешли и въ англійскій языкъ. Kölbing полагаетъ, что въ основѣ ихъ было древнее народное преданіе, изъ которого вышла Исландская *Thiersage* и скучная привязанная къ ней поэтическія произведенія²⁾.

Г. Колмачевскій поддерживаетъ замѣчаніе Мейснера „относительно ирландскихъ поселеній и испанскихъ погонщиковъ, среди которыхъ, согласно теоріи Я. Гримма, долженъ быть процвѣтать и развиваться животный эпосъ rag excellence³⁾“ и у которыхъ однако нѣть его. Съ своей стороны г. Колмачевскій подтверждаетъ это предположеніе ссылкою на дикарей,nomadovъ, вообще на „расы, стоящія на низшей

¹⁾ Замѣтки о языке и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусского нарѣчія, Спб. 1876, стр. 6.

²⁾ Beiträge zur vergleichenden Geschichte der romantischen Poesie und Prosa des Mittelalters, Breslau 1876, ss. 242 fde. Относительно названія refr прибавимъ производство Я. Гримма, думавшаго, что древне-сѣв. refr, шведское räf, датское ræf, заимствованы изъ финскаго языка, въ которомъ встрѣчается hero, gen. refr. Kleinere Schriften II, 80.

³⁾ Ср. мнѣніе Вильгельма Гримма: Kinder und Hausmärchen, III² (Götting. 1856), S. 414.

ступени цивилизації и проводящія всю свою жизнь чуть-ли не съ колыбели въ кругу животныхъ⁴: находясь къ послѣднимъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ, эти расы „не обладаютъ вовсе *оригинальными* животными сказками“ (стр. 52). Относительно ссылки на дикарей можно замѣтить, что степень даровитости различныхъ народностей не одинакова, и индивидуальные особенности ихъ сказываются и въ поэзіи. Говоря, что у расъ низшей цивилизації иѣть самостоятельныхъ животныхъ сказокъ, г. Колмачевскій затрагиваетъ вопросъ первостепенной важности, съ которого долженъ быть начать свое изслѣдованіе, но, къ сожалѣнію, онъ рѣшаетъ его далеко не убѣдительно для читателя, ограничиваясь общими замѣчаніями и ссылкою на небольшое сравнительно количество сборниковъ. Притомъ надо имѣть въ виду самый способъ пониманія самостоятельности. Собственно говоря не только животная сказка, но и другія произведенія поэзіи различныхъ народовъ можно будетъ признать несамостоятельными, если имѣть въ виду значительное количество чертъ сходства, но вѣрна-ли будетъ такая точка зрения? Ниже мы будемъ имѣть случай еще коснуться этого вопроса.

Отрицая животную сагу, какъ первую ступень животнаго эпоса, г. Колмачевскій не соглашается и съ тѣми изслѣдователями, которые возводятъ къ раннему времени басню. По мнѣнію г. Колмачевскаго, „баснь является дальнѣйшимъ развитіемъ отдалѣнаго момента животной сказки, а не „осколкомъ животной саги“; цидактическій элементъ проникъ въ животную сказку сравнительно поздно“ (стр. 54).

Вопросъ о началѣ басни довольно важенъ въ исторіи эпоса о животныхъ, такъ какъ въ пей многіе ищутъ началъ европейской вѣтви этого эпоса, въ томъ числѣ и г. Колмачевскій. Басня является первымъ крупнымъ литературнымъ памятникомъ этого эпоса; въ документальной его исторіи она встрѣчается ранѣе чистаго безпримѣснаго эпоса. Древнѣйшая изъ сохранившихся басенъ находится, какъ известно, въ Книгѣ Судей. Даѣще, Ливіемъ передана басня о желудкѣ и прочихъ частяхъ человѣческаго организма, разсказанная Мененіемъ Агриниою. Теперь найденъ египетскій варіантъ ея¹⁾.

Сущность вопроса о началѣ басни сводится къ слѣдующему:

¹⁾) Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Vol. II—1883, fasc. I, Pitré, Una versione egiziana dell'apologo „Le membra e lo Stomaco“.

какова была первоначальная форма ея и каково отношение ея къ чистому эпосу, за который басня не можетъ быть признана въ томъ видѣ, въ какомъ известна намъ¹⁾? Преобладалъ ли въ баснѣ изначала дидактический элементъ, или же онъ возобладалъ позже?

Г. Колмачевскій принялъ заключеніе Келлера, что животный эпосъ „постоянно подвигается отъ наивнаго (элемента) къ дидактическому“, другими словами,—животная сказка должна считаться болѣе раннимъ продуктомъ“ (стр. 30—31); родина басни—Індія (стр. 14—15).

Вопросъ о баснѣ не можетъ еще считаться порѣшеннымъ, потому что доселѣ вращается болѣе въ области предположеній и соображеній, чѣмъ фактовъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно сопоставить главныя существующія мнѣнія.

Взглядъ Келлера, которому послѣдовалъ г. Колмачевскій и во второмъ своемъ тезисѣ, занимаетъ срединное положеніе между центрально-противоположными теоріями Гримма и Вакернагеля съ одной стороны и Гервинуса съ другой.

По мнѣнію Гримма²⁾ и Вакернагеля, басня являлась дальнѣйшимъ и позднѣйшимъ развитіемъ древней животной саги и была первоначально эпична. Вакернагель думалъ, что басня не могла возникнуть въ древнѣйшій періодъ, когда къ звѣримъ относились слишкомъ поэтически.

Гервинусъ³⁾ придерживался взгляда, что басня могла получить начало только въ то время, когда люди впервые увѣрились въ пропасти, отдѣляющей человѣка отъ животнаго. Вмѣсть съ тѣмъ Гервинусъ полагалъ, что наставленіе должноствовало изначала имѣть мѣсто въ баснѣ, а басня должна была быть первоначальной въ животной сагѣ.

¹⁾ Я. Гриммъ первый указалъ на отличие понятія саги о животныхъ отъ басни.—До того времени разсужденія о баснѣ въ старыхъ теоріяхъ поэзіи не были основаны на надлежащемъ историческомъ изученіи ея развитія. Изъ нихъ особенно интересно мнѣніе Лессинга, разбрь которого см. и у Kulpe, Lafontaine, Sein Leben und seine Fabeln, zw. Aufl. Leipz. 1882, S. 155 fde.

²⁾ Kleinere Schriften V, 180.

³⁾ Gesch. d. Deutsch. Dichtung, I⁴, 126.

Оттого, говорить онъ, можетъ быть древнѣйшія пословицы повсюду тѣ, которые примѣняютъ состоянія и свойства животныхъ къ человѣческимъ.

Мюлленгофъ готовъ, повидимому, признать басню самымъ раннимъ видомъ животнаго эпоса, а эпическую обработку ся относить къ среднимъ вѣкамъ.

Мнѣніе Вакернагеля было разобрано Л. Тоблеромъ, который, признавая существованіе животной саги уже въ древнее время рядомъ съ сагою о богахъ, предполагаетъ, что тогда не могло быть никакой *выработанной* басни. *Невыработанная* басня обращалась издавна. „И у Индогерманцевъ было возможно существованіе *отдельныхъ* басенъ въ совершенно короткой пословичной формѣ, почти въ качествѣ образнаго способа рѣчи, безъ предшествовавшаго прохожденія чрезъ большія эпической формы“. Басня могла развиться помимо первоначальной саги. Эпосъ о животныхъ получилъ рано поучительное примѣненіе; рано начали изъ исторій животныхъ выводить наставленія для человѣка. Эпика можетъ весьма легко принимать дидактическое *направленіе* и также дидактическую *форму*¹⁾.

Мы воздерживаемся отъ рѣшительного предпочтенія котораго либо изъ приведенныхъ мнѣній, потому что не видимъ прочныхъ доказательствъ, которыя сообщили бы одному изъ нихъ преимущество.

Г. Колмачевскій едвали можетъ *убѣдить* читателя нѣсколькими гипотетическими соображеніями, которыми сопровождается изложеніе взгляда Келлера. Съ научной точки зренія въ нашемъ вопросѣ трудно опереться на предположеніе о времени, когда „вся тварь кротко вступала въ одинъ ковчегъ“: имѣющіяся другія свѣдѣнія представляютъ человѣка изначала въ борбѣ съ животнымъ міромъ. Ничего сомнительнаго мы не видимъ въ предположеніи, что басня въ зачаточной формѣ могла явиться параллельно животной сказкѣ; и та и другая могли существовать одновременно. Въ средніе вѣка пословицы существовали одновременно съ большими рассказами о животныхъ. Пословицы же нѣкоторыя, не только у нѣмцевъ, но и у другихъ народовъ, содержать въ себѣ не-большія басни; многія изъ нихъ были обращаемы въ басни и наоборотъ. Этотъ послѣдній фактъ выясненъ весьма обстоятельно г.

¹⁾ Zeitschrift fur deutsche Philologie, Bd. VI (1875), S. 369. Ср. Wackernagel's Kleinere Schriften, II, Von der Thiersage, стр. 243—245.

Колмачевскимъ на стр. 44—50¹⁾). Басня коренится въ основной наклонности человѣческаго духа къ образному выражению мыслей, присущей природѣ поэтическаго творчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Необходимо имѣть въ виду, говоря о началѣ животной басни, не только одну ее, но и басню, въ которой выводятся действующими предметы не изъ міра животныхъ.

Съ этой точки зреінія нѣтъ надобности предполагать возникновеніе басни въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Г. Колмачевскій думаетъ не такъ, и третье основное положеніе его гласитъ: „Животный эпосъ вообще своимъ происхожденіемъ обязанъ востоку, именно Индіи“ (стр. 54). Авторъ разумѣлъ при этомъ не развитіе древнѣйшей основы эпоса на востокѣ, а позднѣйшій переходъ восточныхъ сказаний. Собственно говоря, положеніе г. Колмачевскаго должно быть отнесено прежде всего къ баснѣ, для установленія перехода которой на Западъ могутъ послужить кое-какіе литературные памятники.

Чтобы яснѣе быль взглѣдъ г. Колмачевскаго и тѣ ограниченія, какимъ онъ подлежитъ, мы приведемъ здѣсь мнѣніе о томъ же предметѣ извѣстнаго миѳолога де-Губернатиса. Г. Колмачевскій не упоминаетъ о немъ, раздѣляя, вѣроятно, неуваженіе къ его трудамъ, какое должны питать всѣ неодобрительно относящіеся къ теоріи небеснаго миѳа. Де-Губернатисъ извѣстенъ въ занимающемъ насъ вопросѣ своею книгою: *Зоологическая миѳология*. Она построена по предвзятой несостоятельной теоріи, на что и указалъ А. Н. Веселовскій въ критическомъ разборѣ ея, но, тѣмъ не менѣе, не теряетъ своего значенія благодаря собрannому въ ней матеріалу²⁾ для исторіи вѣрованій. Новѣйшее изложеніе мнѣнія де-Губернатиса находимъ въ III-мъ приложеніи къ его популярному обозрѣнію индійской литературы. Де-Губернатисъ перепечаталъ тамъ, по всей вѣроятности съ исправленіями, свой старый эпюдъ, написанный еще въ 1863 г., въ которомъ сближаетъ *il discorso degli*

¹⁾ Въ дополненіе къ ссылкѣ г. Колмачевскаго (стр. 36) укажемъ на „Очерки“ О. И. Буслаева, I, 91.

²⁾ Потомъ стали являться частныя монографіи. Такъ, для Франціи опытъ собранія народныхъ названий животныхъ и народныхъ представлений о нихъ сдѣланъ Е. Rolland'омъ въ книгѣ „Faune populaire de la France“. Нѣкоторыя португальскія повѣрья собраны Leite de Vasconcellos въ *Tra-dicções populares de Portugal*, Porto 1882.

animali di Agnolo Firenzuola съ индійскими новеллами Панчантанtry. Де-Губернатись рѣшаетъ здѣсь прежде всего вопросъ, за кѣмъ изъ трехъ знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ баснописцевъ, каковыми считаются Бидпай, Локманъ и Эзопъ, признать первенство, т. е. гдѣ впервые возникла басня, въ Индіи, Фригіи, или въ Эсіопіи (Ливіи, Аравії)? Народу ли, или же отдельной личности принадлежала мысль вывести животныхъ говорящими и разсуждающими? Де-Губернатись приводить и кратко разбираетъ мнѣніе Вахенера, индійскую теорію котораго г. Колмачевскій признаетъ „по идеѣ совершенно вѣрною“, хотя „ошибочность многихъ его выводовъ указана Веберомъ и частично Бенфеемъ“ (стр. 32 книги г. Колмачевскаго). Признавъ доказательства Вахенера недостаточными, де-Губернатись останавливается подробнѣе на разборѣ мнѣнія своего учителя Вебера, высказавшаго гипотезу что въ Индію былъ перенесенъ греческій апологъ, а не обратно, греки же могли заимствовать басню отъ семитовъ или отъ египтянъ. Съ принятіемъ послѣдней догадки пришлось бы предположить, говорить де-Губернатись, что Веберь вѣрить въ самостоятельное зарожденіе одинаковыхъ фабуль у различныхъ народовъ и укажеть на странное сходство басни Мененія Агриппы съ нѣкоторыми подобными баснями, встрѣчающимися въ индійскихъ *Brahmanî* и *Aranyakî*. Де-Губернатись не находитъ возможнымъ согласиться съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ и готовъ скорѣе допустить, что нѣкоторыя египетскія и эсіопскія, или семитическія басни смѣшились съ индійскими и, наоборотъ, индійскія стали известными и какъ бы туземными у семитовъ, или у египтянъ, или у Эсіоповъ. У народовъ, разделенныхъ значительнымъ разстояніемъ, могутъ встрѣчаться аллегоріи, представляющія параллелизмъ, потому что аллегорія является общимъ мѣстомъ творчества человѣческаго ума, первобытный же апологъ оказывается измышеніемъ, которое соответствуетъ известному настроению и известному способу отношенія къ природѣ. Апологъ заставляетъ животныхъ говорить и дѣйствовать сообразно тому нравственному характеру, который приписывается имъ наблюдателемъ. Апологъ отличается такою простотою и живостью языка, что обрисовываетъ нѣсколькими словами тѣ характеры и моральные дѣйствія, какіе представляются въ образѣ животныхъ. Когда и кѣмъ былъ изображенъ этотъ простой языкъ аполога? Трудность такой рѣчи заставляетъ признать ее произведеніемъ искусственнымъ, но известно, какія лите-

ратурныя трудности народъ можетъ преодолѣвать безъ труда и напряженной вдумчивости, и потому мы привыкли приписывать народу то, что оказывается самимъ труднымъ въ литературѣ, естественность, простоту, и то, что кажется легкимъ. Народъ обладаетъ живымъ чувствомъ, живымъ воображениемъ и изображаетъ чувства и картины, какъ его направляетъ природа; оттого въ ряду классическихъ авторовъ онъ можетъ считаться, по мнѣнію де-Губернатиса, лучшимъ художникомъ. Теперь возникаетъ слѣдующій вопросъ: который изъ народовъ, развившихъ повѣствовательную литературу, первый вывелъ на сцену животныхъ и вложилъ имъ въ уста разумныя рѣчи? Очевидно, это долженъ быть сдѣлать народъ съ наиболѣе возбужденною фантазіею, и такая заслуга должна быть усвоена самому богатому воображеніемъ народу: опредѣляя его по роду, его надо назвать—восточнымъ, а по виду—можетъ быть индійскимъ. Я говорю потому можетъ быть, замѣчаетъ де-Губернатисъ, что у семитовъ найдено нѣсколько древнихъ легендъ, которые указываютъ на весьма тѣсное соприкосновеніе и близость съ животными, въ особенности же потому, что въ Египтѣ животные отожествлялись съ нравственными качествами и сдѣливались предметомъ слѣпаго поклоненія. Тѣмъ не менѣе за древнимъ Египтомъ не можетъ быть признанъ тотъ *esprit conteur*, который сообщаетъ такую прелесть новеллистикѣ Индійцевъ и Арабовъ; началъ басни слѣдуетъ искать въ Индіи, потому что у Арабовъ нѣть столь раннихъ слѣдовъ ея.—Де-Губернатисъ переходитъ потомъ къ доказательству оригинальности индійского эпоса о животныхъ, но нельзя сказать, чтобы эти его доводы были всегда убѣдительны. Опъ, напр., думаетъ доказать туземность *всѣхъ* индійскихъ сказаний существованіемъ въ ряду ихъ такихъ разрядовъ, которые не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ; такъ, въ индійскомъ эпосѣ видная роль принадлежитъ быку и обезьянамъ; но, въ противовѣсь подобнымъ указаніямъ, можно выдвинуть другія, напр. культь медведя у нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ. Вообще сказанія каждой мѣстности должны были имѣть свои оригинальныя черты сообразно особенностямъ ея, фауны ея и обитателей.

Если сопоставимъ только что изложенное мнѣніе де-Губернатиса съ мнѣніемъ г. Колмачевскаго, то у первого ученаго замѣтимъ болѣе осторожности. Высказывалась за Индію, какъ за родину эпоса о животныхъ, де-Губернатисъ не утверждаетъ того вполнѣ положительно. И дѣйствительно, многое въ исторіи древнихъ сказаний можетъ

представиться вскорѣ въ совершенно иномъ видѣ, когда выяснить болѣе удовлетворительно взаимное отношеніе цивилизаций древнѣйшаго востока и ознакомится съ большимъ количествомъ памятниковъ народной литературы. Не должно забывать, что намъ извѣстно пока небольшое количество этихъ памятниковъ¹⁾, но и открытія послѣдняго времени, въ особенности въ области пародно-повѣтвовательной литературы Египта, заставляютъ быть осторожнѣе въ сужденіяхъ о выходѣ наличного сказочнаго материала изъ Индіи. Парижскій проф. Масперо, которому принадлежитъ превосходное изданіе перевода древнихъ египетскихъ сказокъ, замѣчаетъ во введеніи къ нимъ: „Изслѣдованіе этихъ сказокъ поднимаетъ вопросы, болѣе или менѣе трудно разрѣшимые. Туземнаго-ли онѣ происхожденія, или Египетъ заимствовалъ ихъ у соседніхъ народовъ, которые знали ихъ раньше?... Неоспоримо что египетскіе изводы нѣкоторыхъ сказокъ древнѣе изводовъ тѣхъ-же сказокъ, найденныхъ у другихъ народовъ. Рукописи, сохранившія намъ *сказку о двухъ братьяхъ и состязаніе Анопи и Сокнунири*, относятся къ XIV или XIII в. до нашей эры. *Потерпѣвшій крушеніе, фантастическая Берлинская сказка, Приключенія Синупита* были записаны—самое позднее—между 3000 и 4000 гг. И это еще минимальныя даты“.... Относительно сказки о двухъ братьяхъ Масперо замѣчаетъ: „Заимствовалъ ли египетскій народъ извѣтъ, или самъ передалъ то, что содержится въ ней, это должно было случиться въ эпоху предшествующую той, къ которой относится запись; кто можетъ определить теперь время и виновниковъ этого события²⁾?“ Теперь уже близки къ тому, чтобы признать египетскими значительную часть тѣхъ поэтическихъ вымысловъ, которымъ приписывалось прежде индійское происхожденіе. И это замѣчаніе, если стать на точку зрения Масперо, должно быть приложено теперь и къ баснямъ, не только къ сказкамъ. Гастонъ Пари, сообщая въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles-lettres 6 января настоящаго года о томъ, что Масперо видѣть въ найденномъ имъ въ Туринскомъ манускрипте отрывкѣ о

¹⁾ См., напр., статью Sayce'a „Babylonian folk-lore“ въ The folk-lore Journal, January 1883.

²⁾ Les contes populaires de l'Égypte ancienne traduits et commentés par G. Maspero, Paris 1882, pp. VI, LXXIX, XIX.

процессъ головы съ желудкомъ древній изводъ басни о членахъ человѣческаго организма и желудкѣ, присоединилъ съ своей стороны оговорку. По мнѣнію Шари, небольшое произведеніе, найденное въ Туринѣ, не можетъ пока подорвать извѣстіе древнихъ о томъ, что басня о желудкѣ была измыслена Мененiemъ Агриппою: „египетскій памятникъ—не басня, это—débat (преніе), родъ литературной композиціи, примеры которого встречаются въ восточныхъ литературахъ, и который быть въ большой модѣ у французовъ въ средніе вѣка¹⁾). По-видимому мы обязаны Масперо открытиемъ древнѣйшаго извѣстнаго débat, и въ этомъ отношеніи находка его весьма интересна²⁾“. Согласимся ли мы съ Масперо, или же съ Шари, безразлично: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы должны будемъ признать принадлежность древнему Египту поэтическаго замысла, который имѣть въ основѣ не прямое, но переносное значеніе.—Но и помимо этого открытия наличный материаль сказокъ, собранныхъ Масперо, указываетъ на существование въ Египтѣ въ весьма раннее время сказаний, которые коренились въ довольно развитой животной сагѣ, переплетавшейся со сказками о богахъ и людяхъ. Важна, напр., первая сказка о двухъ братьяхъ, запись которой на извѣстное количество лѣтъ древнѣе первыхъ слѣдовъ другихъ изводовъ. Герой этой сказки получаетъ указанія отъ быковъ, за стадомъ которыхъ ему быть порученъ уходъ. Быки, за которыми онъ шелъ, говорили ему: „трава хороша въ такомъ-то мѣстѣ“*. Корова, шествовавшая во главѣ стада, предостерегла младшаго брата объ умѣслѣ старшаго³⁾.

На основаніи всего сказанного можно, кажется, признать всю основательность осторожности, съ какою попытался было сначала де-Губернатисъ отнести къ вопросу о родинѣ басенъ. Къ сожалѣнію, увлеченіе Индіей склонило де-Губернатиса къ признанію первенства за этой послѣдней. Не видно однако причинъ, по которымъ должно настаивать на томъ, что изобрѣтеніе басни принадлежитъ *одному* народу, который развилъ се раннѣе другихъ и передалъ этимъ послѣднимъ.

¹⁾ Какъ извѣстно, подобныя произведенія проникали и въ нашу древнюю литературу.

²⁾ *Revue critique d'histoire et de littérature*, 15 Janvier 1883, pp. 59—60.

³⁾ Maspero, l. c., pp. 8, 11.

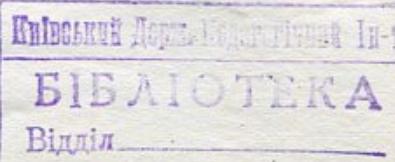
Г. Колмачевскій ссылается на отсутствіе басни у дикихъ народовъ¹⁾, но тѣмъ не устраивается возможность появленія ея у какого-нибудь древняго болѣе или менѣе образованного народа помимо индійцевъ. Соображенія де-Губернатиса относительно басни о желудкѣ и другихъ неубѣдительны: мораль подобныхъ басенъ не отличается какими-нибудь особенностями, какъ и вообще мораль басни настолько проста и первична, что легко можетъ повторяться совершенно самостоятельно.

Изъ разсужденія де-Губернатиса заслуживаютъ еще вниманія его выводы объ Индійской баснѣ: она въ значительной части не что иное, какъ болѣе народная переработка первоначальныхъ миѳовъ и легендъ, въ которой отражаются слѣды буддійского вліянія. Панчантрана—въ сущности народное произведеніе, и этимъ-то объясняется ея распространеніе (стр. 131 и 159). Нельзя не признать справедливыми этихъ замѣчаній о народномъ происхожденіи эпоса о животныхъ изъ древнихъ миѳовъ.

Допуская таковое, де-Губернатисъ старается примирить двѣ крайнія теоріи, гипотезу о первобытной животной сагѣ и мнѣніе о преимущественномъ значеніи литературнаго момента въ ея развитії.

Новѣйшее подкрайненіе мнѣнія о болѣе или менѣе самостоятельномъ возникновеніи греческой басни можно найти въ вышедшей въ настоящемъ году книгѣ W. Gunnion Rutherford'a: Babrius, edited with Introductory Dissertations, Critical Notes, Commentary, and Lexicon (London 1883, Macmillan and Co). Сообщаемъ о ней отзывъ, встрѣченный нами въ апрѣльской книжкѣ The folk-lore Journal (стр. 125—126). До сихъ поръ греческая басня, являющаяся источникомъ столь многаго, что есть лучшаго въ европейской басенной литературѣ, не была надлежаще критически изслѣдована въполномъ ея составѣ. Ее рассматривали, какъ цѣлое, возникшее въ одно время изъ одного и того-же материала вмѣсто того, чтобы тщательно разграничивать различныя ступени развитія ея. И только такимъ отношеніемъ могутъ быть извиняемы и объясняемы теоріи, которыхъ желали бы превратить греческую басню въ отпрѣскъ восточного аполога. Крупная заслуга разматриваемаго произведенія Mr. Rutherford'a состоитъ въ томъ, что онъ показалъ совершенную несостоятельность этихъ теорій. Во второмъ изъ вступительныхъ трактатовъ, касающемся исторіи греческой басни, онъ старается доказать существование у грековъ цѣлаго ряда традиціонныхъ басенъ, начиная со времени, до какого только можетъ

¹⁾ Ср. однако Gerland'a Die Völker der Südsee, III-te Abth., Leipzig. 1872, 85.

доходить наше изслѣдованіе, и показываетъ затѣмъ, какъ басня получила литературную форму въ теченіи V-го столѣтія до Р. Хр., такъ что въ началѣ IV-го в. существовала уже опредѣленная литература басенъ, къ которой пріурочивали обыкновенно имя Эзопа.

Ясно отсюда, что мнѣніе Вебера не стоитъ особнякомъ въ наукѣ. Теперь и нѣкоторые другіе ученые допускаютъ вліяніе Запада на Индію, открывая примѣръ постороннихъ стихій въ поэтической литературѣ индійцевъ. Въ частности полагаютъ, что басни, общія индійскимъ и эзопическимъ собраніямъ, заимствованы по крайней мѣрѣ отчасти индійцами у грековъ.

Отрицаю „животную сагу“, какъ основу эпоса о животныхъ, считая басню позднѣйшимъ отпрыскомъ „животной сказки“, Л. З. Колмачевскій признаетъ, какъ мы видѣли, эту послѣднюю древнѣйшимъ видомъ эпоса о животныхъ.

Очень жаль, что г. Колмачевскій не опредѣлилъ, въ какомъ видѣ онъ представляетъ ее. Кромѣ того, и въ сказкахъ обнаруживается стремленіе къ извѣстного рода сведенію и систематизаціи въ родѣ той, какая проявляется иногда въ бытевомъ эпосѣ, приводимомъ постепенно къ единству. Но, само собою разумѣется, полнаго развитія эпопеи безъ посредства литературы быть не можетъ, и къ животному эпосу также приложимо то, что Штейнталь говорить о значеніи діаскеваста въ исторіи героическихъ эпосовъ.

Предположивъ въ основѣ древняго эпоса о животныхъ животную сказку, приходится тогчась же решать вопросъ о первоначальномъ содержаніи ея. Какъ же возстановить основныя черты этого содержанія и какое значеніе имѣть въ этомъ отношеніи современная сказка?

Г. Колмачевскій, думаетъ, повидимому, что современные сказки не даютъ материаловъ для возстановленія первоначального эпоса о животныхъ, потому что онъ, по большей части, не оригиналны и весьма далеки отъ своихъ первообразовъ (см. стр. 170—171).

Г. Колмачевскій слѣдуетъ въ этомъ случаѣ одному изъ трехъ главныхъ мнѣній, существующихъ въ наукѣ относительно сходныхъ мотивовъ въ народныхъ сказаніяхъ и вообще въ произведенияхъ народной поэзіи. И на этотъ разъ г. Колмачевскій становится въ ряды рѣшительныхъ противниковъ Гримма.

Въ исторіи поэзіи давно обратили вниманіе на востокъ, и уже

Фридрихъ Шлегель, какъ бы упоенный открытиемъ новаго міра, прозвгласилъ въ началѣ настоящаго столѣтія положеніе, что въ санскритѣ источники всѣхъ языковъ и всѣхъ мыслей и произведеній человѣческаго духа; все происходитъ изъ Индіи.

Можно отмѣтить два отг҃ынка въ развитіи этого основнаго взгляда: одни ратуютъ за древнюю обще-арійскую основу народныхъ преданій, другіе отстаиваютъ позднѣйшее заимствованіе. Мы видѣли, что де Губернатисъ старается примирить эти крайности.

По мнѣнію Гrimма, самаго авторитетнаго представителя первого мнѣнія, во всей исторіи литературы и поэзіи нѣтъ ничего, что могло бы лучше сказокъ о животныхъ доказать связь первобытно-родственныхъ народовъ; онъ подтверждаютъ эту связь самымъ нагляднымъ образомъ. Сродство германскаго животнаго эпоса съ греческимъ никако не зависѣло отъ заимствованія. „Изъ сходства, говорилъ Гrimмъ, слѣдуетъ только коренное, исконное средство индійскаго и германскаго племени“. „Кто сталь бы производить Эзона отъ индійской Гитонадесы или наоборотъ, тотъ трудился бы понапрасну: мы въ свою очередь только требуемъ своего, и германскій животный эпосъ въ правѣ настаивать на присущемъ ему своеобразіи, которое никакъ не можетъ быть производимо ни отъ того, ни отъ другаго сборника, ни отъ обоихъ вмѣстѣ“. Миѳологъ Шварцъ, а вслѣдъ за нимъ и некоторые другіе (у насъ Леонасьевъ) смотрѣли на сказанія о животныхъ, какъ на ступень въ развитіи миѳовъ, предшествующую антропоморфизму; народныя сказки о животныхъ являются будто-бы остатками этой переходной ступени.

Теперь, однако, это оказывается не совсѣмъ такъ, и противники Гrimма утверждаютъ, что первобытной животной саги, составлявшей общее достояніе всѣхъ народовъ, не было; эпическая обработка эпоса о животныхъ у западныхъ народовъ принадлежитъ преимущественно среднимъ вѣкамъ, и именно позднѣйшему ихъ времени, вышла отъ людей книжныхъ и отправилась отъ басни, обращавшейся въ литературѣ. Какъ известно, эта теорія позднѣйшаго заимствованія и распространенія сказочныхъ мотивовъ изъ Индіи имѣла самаго вѣскаго защитника въ лицѣ скончавшагося недавно знаменитаго филолога Бенфея.

Но, рядомъ со сказками, въ которыхъ можно было безъ затрудненія признать отголосокъ индійскихъ разсказовъ, выходили сборники сказокъ, записанныхъ у дикарей и вообще у народовъ, не возвышаю-

щихся надъ первыми ступенями образованности. Повсюду найдены рассказы о животныхъ, надѣленныхъ человѣческими свойствами¹⁾, приближающіеся къ сказкамъ индо-европейскимъ²⁾, и вслѣдствіе того явилось третье объясненіе подобнаго сходства, указывающее на вездѣ одинаковые приемы психического процесса. На эту одинаковость человѣческаго ума, въ особенности въ извѣстныхъ фазахъ его развитія, наука о человѣкѣ указала не такъ давно, по этому наблюденію, можно думать, суждено занять видное мѣсто въ будущихъ разысканіяхъ. Чѣмъ ниже стоять люди на лѣстницѣ развитія, тѣмъ болѣе можетъ быть совпаденій въ ихъ произведеніяхъ.

Таковы три теоріи, которыя примѣняются теперь къ объясненію произведеній народной словесности. Возникаетъ весьма нелегкій вопросъ: какое мѣсто отвести каждой изъ нихъ при изученіи сказаний о животныхъ и которой отдать предпочтеніе?

Устранныя первое изъ перечисленныхъ объясненій, г. Колматчевскій принимаетъ два послѣднія. На первомъ мѣстѣ онъ ставить какъ-бы гипотезу самостоятельнаго возникновенія сказаний. Онъ говоритъ (стр. 54, полож. 6 и 7):

„Черты сходства животныхъ сказокъ или отдельныхъ ихъ мотивовъ у разныхъ народовъ объясняются:

- a) процессомъ равномѣрнаго психического развитія, или
- b) литературнымъ заимствованіемъ, или
- c) господствомъ устнаго преданія (въ извѣстныхъ случаяхъ).

„Необходимо допустить самостоятельное зарожденіе сказокъ, какъ на европейской почвѣ, такъ и въ другихъ странахъ“.

¹⁾ Brinton, *The Myths of the New World*, New York 1868, p. 99. Сказанное здѣсь можно противопоставить замѣчанію Л. З. Колматчевскаго на стр. 52, что онъ не встрѣтилъ животныхъ сказокъ въ одномъ сѣверо-американскомъ собраніи.

²⁾ Переводъ на русскій языкъ съ англійскихъ переводовъ нѣсколькихъ готтентотскихъ и зулускихъ сказокъ вышелъ въ 1874 подъ заглавіемъ: „Басни и сказки дикихъ народовъ“. Въ предисловіи говорится, что эти сказки и басни „показываютъ намъ, какъ одинаково человѣкъ въ извѣстномъ періодѣ своего развитія относится къ природѣ, къ какой бы расѣ и къ какой бы эпохѣ цивилизациіи ни принадлежалъ“ (стр. 4).

На дѣлѣ г. Колмачевскій слѣдуетъ въ своихъ разысканіяхъ предпочтительно второму объясненію: онъ удѣляетъ самое широкое мѣсто литературному вліянію и вводить, такимъ образомъ, въ область эпоса о животныхъ ту теорію литературнаго заимствованія, которая отбрасываетъ теперь индо-европейскую гипотезу. Теорія первобытнаго родства народныхъ сказаний болѣе не признается и въ той области, въ которой Гриммъ находилъ самое вѣсѣлое подкрѣпленіе ея.

Эта теоретическая основа, принятая г. Колмачевскимъ, повліяла въ значительной мѣрѣ на подборъ материала изслѣдованія и до извѣстной степени на частные выводы его, а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы она вытекала неизбѣжно изъ всей совокупности материала, подлежавшаго разсмотрѣнію.

Послѣднее можно было бы сказать въ томъ случаѣ, если-бы было произведено сравненіе всѣхъ извѣстныхъ теперь сказокъ не только европейскихъ народностей и народцевъ африки, подпавшихъ вліянію колонистовъ, но и другихъ, и если-бы были отмѣчены индивидуальный отличіи сказокъ каждой группы народностей. Важно было бы уяснить, вездѣ-ли животнымъ усвоется одинъ и тотъ же характеръ и приписываются одинъ и тѣ же приключенія, или же не такъ; другими словами: подтверждается-ли сравненіемъ животныхъ сказокъ общей выводъ относительно сказокъ, къ которому пришелъ Reinhold Köhler, замѣтившій, что рѣдко найдется сказка, которая существовала бы только у одного или двухъ народовъ¹⁾). По словамъ того-же ученаго, „сходства по большей части такого особеннаго рода и являются въ такой особенной связи, повторяются въ такой особенной смѣси, что можно опредѣленно сказать, что они и сами по себѣ, а тѣмъ болѣе въ той связи, въ которой правильно являются, не могли возникнуть независимо дважды или чаше; скорѣе они могли быть изображены только одинъ разъ, на одномъ мѣстѣ, а въ другихъ случаяхъ явиться вслѣдствіе перенесенія²⁾). Уже довольно давно обращено вни-

¹⁾ R. Köhler, Ueber die europäischen Volksmärchen въ „Weimarische Beiträge“, s. 182—183.

²⁾ Тамъ-же, стр. 188. Ср. мнѣніе Гримма *Kind. u. Hausmärchen*, III³, 405, который также замѣтилъ, что въ большинствѣ случаевъ совпаденіе не можетъ быть приписано случаю и общности хода развитія. Подобнаго же мнѣнія держится и Л. З. Колмачевскій (стр. 31 и 84).

маніе на сходство индо-европейскихъ сказаний о животныхъ со сказками готтентотовъ¹⁾.

Принявъ выводъ, сдѣланный другими, относительно заимствования сказочныхъ сюжетовъ африканскими народами у европейцевъ²⁾, г. Колмачевскій съ своей стороны не имѣть въ виду широкаго и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о своеобразныхъ чертахъ въ животномъ эпосѣ у различныхъ народностей; онъ слѣдилъ преимущественно за повтореніемъ главныхъ тѣмъ цикла о лисѣ въ сказкахъ европейскихъ, африканскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ.

Правда, главная задача труда г. Колмачевскаго состояла въ разсмотрѣніи романо-германскихъ и славянскихъ изводовъ, но въ своихъ наблюденіяхъ и выводахъ г. Колмачевскій переступаетъ предѣлы романо-германского и славянскаго міра, да и правильное отношеніе къ сказкамъ послѣднаго немыслимо безъ самого широкаго сравненія. Послѣднее весьма трудно, на что и указываетъ авторъ въ предисловіи (стр. V), но, тѣмъ не менѣе, весьма желательно, въ виду, напр., со-поставленія свидѣтельствъ о повѣрыахъ о лисѣ у различныхъ народовъ, сдѣланного Либрехтомъ. Изъ собранныхъ послѣднимъ матери-яловъ³⁾ оказывается, что роль лисы не вездѣ одинакова. Недостаточно отмѣтить повтореніе той или другой черты въ традиціяхъ цѣлаго ряда народностей, важно было бы выяснить развитіе традиціоннаго типа. Интересно, что и хитрость приписывается не однѣмъ и тѣмъ же животнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ⁴⁾. Надѣленіе хитростью болѣе

¹⁾ См. ст. Либрехта „Hottentotische Märchen“ въ V-мъ т. „Zeitschrift f. Völkerpsychologie“. Max Müller, Essays, II, Leipzig. 1881, s. 190, 267. Ранѣе Bleek'a Вильгельмъ Гrimmъ (Kinderl. III³, 411 ff.) и Бенфей (Pantsch. и Or. и Occid.) допускали переходъ сказокъ съ сѣвера на югъ Африки.

²⁾ Zeitschr. f. Völkerpsych. V, 61. Ср. M. Müller, Essays II, 188—189. Самъ Bleek не высказывался окончательно по вопросу о готтентотскихъ сказкахъ.

³⁾ Zur Volkskunde, 260—267: Ein Fuchsmythus. Ср. мнѣніе Ф. И. Буслева: Р. Вѣстникъ 1873, № 4, стр. 573—574.

⁴⁾ См. тамъ-же стр. 122—123.—См. далѣе басню о зайцѣ: M. Müller, Essays, II, 190—191. Обзоръ представленій о зайцѣ см. въ Folk-lore Journal 1883, March.

слабого существа, побѣждающаго ею сильнѣйшаго, довольно простой замыселъ, и кто можетъ сказать, гдѣ его начало?

Г. Колмачевскому удалось болѣе, чѣмъ предыдущимъ изслѣдователямъ, подтвердить переходъ *нѣкоторыхъ* сказаний на Западъ и распространеніе ихъ въ Африкѣ, но этимъ и ограничиваются тѣ несомнѣнныя выводы, какіе можно извлечь изъ его труда. Для болѣе общихъ заключеній г. Колмачевскаго въ родѣ того, что „расы, стоящія на низшей ступени цивилизациіи,... не обладаютъ вовсе *оригинальными* животными сказками“, и что „вообще значеніе теоріи заимствованія по отношенію къ животнымъ сказкамъ приходится не только ограничивать, но напротивъ расширять, такъ какъ теорія равномѣрнаго психического развитія далеко не въ состояніи объяснить всѣхъ явлений сходства въ области животнаго эпоса“ (стр. 171), для этихъ выводовъ подождемъ болѣе прочныхъ основаній.

Конечно, невозможно вполнѣ отрицать заимствованіе: исторія культуры представляетъ множество примѣровъ самыхъ разнообразныхъ заимствованій. Мы не можемъ даже отвергать возможность перехода какого-нибудь сказания изъ одного мѣста въ другое, съ которымъ, повидимому, у населенія первого не было никакихъ сношеній. Намъ неизвѣстна исторія древнѣйшихъ народныхъ движеній. Въ настоящее время являются весьма смѣлые попытки опредѣлить пути, по которымъ направлялись народы; иные готовы думать, что предки американской расы занимали пѣкогда сѣверъ Европы и Азіи. Благодаря всеобщему и постоянному интересу къ сказкѣ, она распространяется довольно быстро¹⁾), какъ никакая другая словесная произведенія болѣе древней формациіи. Тому способствуетъ нерѣдко отсутствіе всякихъ мѣстныхъ чертъ и пѣсенного склада, хотя есть и пѣсни, которые перешли, оказывается, отъ одной національности къ другой. Слѣды общенія народовъ ведутъ насъ въ глубочайшую древность. Сказка о ловкомъ ворѣ²⁾) едвали имѣла когда-нибудь миѳическое значеніе, а между тѣмъ весьма распространена³⁾). Нѣкоторыя сказки,

¹⁾ М. Мюлле^у думаетъ, что сказки проникаютъ позднѣе всего осталънаго отъ одного народа къ другому (Essays II, 194).

²⁾ Maspero, XXVIII—XXXIV, 151—160.

³⁾ Stanislao Prato, La leggenda del tesoro di Rampsinit, Como 1882.
Рецензія А. Н. Веселовскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1882, № 10.

наоборотъ, должны быть признаны распространившимися въ позднійшее время¹⁾). Сказанія переходили отъ одного народа къ другимъ—сосѣднимъ и несосѣднимъ—сотнями путей, иные изъ которыхъ совсѣмъ намъ познаны, да и въ свое время были мало замѣтны или даже совсѣмъ незамѣтны. Происходила не только литературная, но и устная передача. Наиболѣе значительное влияніе оказывали, вѣроятно, непосредственная сношенія. Это-то постоянное общеніе народовъ, начиная отъ которого восходитъ къ до-историческому времени, можетъ объяснить до извѣстной степени сходство такихъ сказокъ, которые должны были выйти изъ одного источника. Но нельзя настаивать при этомъ на распространеніи всѣхъ или большинства сказаний изъ одного арійскаго центра, потому что, для объясненія имъ сказокъ всѣхъ народовъ, пришлось бы отвести видное мѣсто фантазіи; необходимо предположить распространеніе сказокъ въ разныя времена и изъ разныхъ центровъ и постоянный обменъ сказками, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ и оканчивая настоящимъ²⁾.

Допускаю образованіе многихъ сказокъ въ одномъ мѣстѣ и перепенсение ихъ потомъ къ другимъ народамъ, все-таки не слѣдуетъ отрицать слишкомъ самостоятельность народныхъ повѣствованій; напротивъ, за нею должно признать преимущественное значеніе. Нечего умалять самостоятельность и производительность народно-поэтическаго творчества, которая не подрываются заимствованіями, какъ и въ отдѣльной личности все полученное ею отъ другихъ не подавляется ея самостоятельности. Сравнивая животныя сказки, необходимо помнить, что въ нихъ было менѣе простора отшечатку расовыхъ и національныхъ отличій, чѣмъ въ тѣхъ, въ которыхъ выступаютъ главными дѣятелями не животныя. Въ животныхъ сказкахъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ, должно под-

¹⁾ Такова сказка, видоизмѣненіе которой представляетъ наша „Повѣсть о бражникѣ“; такова-же сказка объ обогащеніи. См. Спб. Вѣд. 1864, № 100, ст. Котляревскаго.

²⁾ Въ послѣднее время общая исторія сказокъ составила предметъ нѣсколькихъ замѣтокъ. Назовемъ статью: E. Cosquin'a: „Un problѣme historique à propos du conte égyptien des Deux Frères“ (въ Revue des Questions historiques, octobre 1877, и отдѣльный оттискъ) и рядъ статей, помѣщенныхъ въ „Mélusine“ 1877, гдѣ велась полемика о происхожденіи сказокъ.

тврждаться замѣчаніе Кѣхлеръа, что „сказки, большою частію, въ извѣстной мѣрѣ—только варианты относительно небольшого числа основныхъ формъ“¹⁾. Соблазняясь сходствомъ основной схемы, можно говорить о заимствованіи, но иной разъ могутъ имѣть мѣсто независимыя одно отъ другого совпаденія въ общемъ ходѣ разсказа. Если въ области отвлеченной мысли встрѣчаются иногда разительныя аналогіи, то въ сферѣ творчества онѣ должны являться чаще²⁾. Нельзя не признать чрезвычайного развитія сказки и басни у индійцевъ, но зачѣмъ же выдавать исключительную привилегію этой народности, а остальнымъ—*testimonium paupertatis?* Принять выводъ о заимствованіи большей части сказаний о животныхъ изъ Индіи тѣмъ труднѣе, что анимическое созерцаніе окружающаго міра господствовало пѣкогда всюду; представленія о языкахъ и рѣчи животныхъ могутъ считаться общераспространенными и встрѣчаются въ весьма древнихъ памятникахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ, быть можетъ, по временіи съ категорическими выводами касательно особо близкой намъ европейской группы сказаний о животныхъ.

II.

Почти во всякое время и во всякомъ обществѣ есть люди, которые могутъ считать себя обдѣленными судбою и чувствовать себя утѣшаемыми вслѣдствіе привилегій, преимуществъ и вообще въ силу того или иного преобладанія другихъ.

Отношеніе литературы къ дѣйствительно „униженнымъ и оскорбленнымъ“ изъ этихъ людей является до извѣстной степени мѣриломъ ея этической высоты и благотворности воздействиія.

Послѣ длиннаго перерыва со времени первыхъ вѣковъ христіанской исторіи нравственно-соціальная проблемы преобразованія и улаженія общественныхъ отношеній примѣнительно къ началамъ справедливости и гуманности выступили впервые со всею ясностью лишь въ XVIII в. Тогда усиленно занялись соціальными вопросами, чѣмъ можно видѣть въ Энциклопедіи, *Dictionnaire philosophique*, въ Новой Элоизѣ, *Contrat social*. Впрочемъ, не говоря уже объ аристократизмѣ Вольтера, все еще исключали пролетаріевъ изъ уча-

¹⁾ Цит. ст., стр. 183.

²⁾ Примѣръ общаго мѣста въ разсказахъ о животныхъ см. въ ст. Буслава: „Странств. повѣсти и разсказы“—Р. Вѣсты. 1874, № 4, стр. 37 и слѣд. Ср. M. Müller, Coincidences: Transactions of the Royal Society of Literature, vol. XVIII, part II.

стія въ государственныхъ дѣлахъ даже такие писатели, какъ Тюрго, Руссо, презрительно относившійся къ „la populace abrutie et stupide“, и вполнѣ демократами являлись только англійскіе и американскіе радикалы въ родѣ Томаса Пэна, передавшіе свое учение французскимъ революціонерамъ. До XVIII-же вѣка мысли о соціальныхъ реформахъ отрѣшились отъ просвѣтительныхъ идей и пробивались отдельными вспышками, преимущественно въ формѣ утопій, начиная съ утопій Мора и отчасти Рабле. Въ XVII и XVIII вв. явилось немало такихъ утопій. Ихъ знаетъ между проч. и русская литература XVIII стол., въ которой извѣстно сочиненіе князя Щербатова.

Было бы ошибочно, однако, на основаніи сказаннаго думать, что лишь въ новое время литературы отмѣчали соціальное зло, а средневѣковья литературы Запада не интересовались соціальными проблемами и были чужды жгучихъ вопросовъ, занимающихъ литературу новаго времени.

Напротивъ, и средніе вѣка не разъ касались соціальныхъ золъ даже устами пѣвцовъ любви, тробадоровъ и миннезингеровъ, и создали грандіозную сатирическую картину соціальныхъ отношеній и неурядицъ, какія установились на Западѣ въ пору расцвѣта церковно-феодальной культуры со второй половины XI-го по XIV вѣкъ. Мировая литература среднихъ вѣковъ выдвинула произведеніе, которое въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій пользовалось извѣстностію не только на своей родинѣ, въ Германіи и Франціи, но и въ Англіи и Италіи, и сохраняетъ свою свѣжесть доселѣ благодаря подновленію черезъ посредство обработки Гёте. Оно не утратило своего значенія и теперь въ силу чрезвычайной рельефности и художественности очертаній, въ которыхъ передаетъ вѣковѣчное зло человѣческой жизни, столкновеніе эгоистическихъ побужденій въ общественномъ укладѣ—подъ видомъ исторіи звѣрей, представляющихъ въ своей совокупности такое же строго упорядоченное цѣлое, какъ и людское общество феодальной эпохи: животное царство въ средневѣковомъ романѣ о Лисѣ распределено въ томъ же самомъ іерархическомъ порядкѣ, какой царилъ и въ жизни того времени. Это произведеніе сохраняетъ постоянную цѣну вслѣдствіе яркаго выраженія проникающей его основной мысли о томъ, что въ концѣ концовъ властвованіе въ мірѣ человѣческихъ отношеній принадлежитъ не высокому вицѣшнему положенію и силѣ, а тонкому уму и

хитрымъ расчетамъ изворотливости, но послѣдняя иногда также должна уступать: *N'i a si sage ne foloit*¹⁾.

Романъ о Лисѣ, именуемомъ Рейнгартомъ или Рейнеке (уменьшительная форма) въ германскихъ литературныхъ обработкахъ сказаний о немъ, или Ренаромъ во французскихъ, предварялъ героикомическая поэмы итальянцевъ XV—XVIII вв. и плутовскіе романы до Лесажева „Хромоногаго бѣса“ включительно. Провозглашеніе въ средневѣковомъ эпосѣ о Лисѣ указанной истины, могущей казаться по первому впечатлѣнію довольно избитою, имѣло глубокій смыслъ въ вѣкѣ феодальныхъ неправдъ, царства грубой силы и кулачного права. Выясненіе пошлости и ничтожества этихъ силъ поднимало хотя немного духъ населенія, приниженнаго феодалами и духовенствомъ, и было симптомомъ морального подъема его надъ невзгодами и неправдами весьма тяжелаго соціального строя, а за моральнымъ подъемомъ долженъ былъ послѣдовать виѣшній.

Смѣость сатиризма въ романѣ о Лисѣ была тѣмъ безопаснѣе, что онъ скрывался подъ забавнымъ покровомъ животнаго міра, царство котораго со львомъ во главѣ будто бы изображалъ, и отливался въ формѣ эпоса то латинскаго, то чисто народнаго, отъ чего выглядѣть тѣмъ забавнѣе. Грандіозность же и отчетливость концепціи постепенно усовершались благодаря тому, что надъ нею, какъ и надъ всякимъ почти крупнымъ художественнымъ замысломъ, какъ, напр., надъ легендами о Граалѣ и о хожденіи въ загробный міръ, завершенными „Парцивалемъ“ Вольфрама фонъ Эшенбаха и „Комедію“ Данте, работали цѣлые вѣкѣ.

Занимающій нась здѣсь эпосъ о животныхъ началъ выникать на романо-германской почвѣ съ довольно ранняго времени, почти съ того самаго момента, съ какого стали окончательно слагаться романскія народности, возникшія на территоріи римскаго государства послѣ варварскихъ вторженій. Но первые проблески этого эпоса просвѣчиваются только въ литературѣ людей церкви и школы, т. е. въ произведеніяхъ, написанныхъ по-латыни и предназначавшихся преимущественно для читателей того избраннаго круга.

¹⁾ Le Roman de Renart, publ. par E. Martin, I, p. 103. Весьма интересны и важенъ мотивъ перехитряемости. О немъ см. въ книгѣ Колмачевскаго: Животный эпосъ на западѣ и у Славянъ, Каз. 1882, 108—110, съ мнѣніемъ котораго нельзя согласиться.

Самымъ яркимъ изъ этихъ проблесковъ можно считать латинскую поэму X в., явившуюся вблизи Туля въ Лотарингии и носящую заглавіе: „Ecbasis cuiusdam captivi per tropologiam“, т. е. „Освобождение нѣкоего узника“¹⁾. Въ поэмѣ передается разсказъ о бѣгствѣ теленка изъ стада. Онъ попалъ во власть волка, который утащилъ его въ свой замокъ—бургъ-нештеру. Начинается осада этого замка прочими звѣрями по приказанію короля ихъ—льва. Это даетъ автору поводъ вставить эпизодически разсказъ волка о томъ, какъ у него зародилась вражда съ лисою. Дѣло въ томъ, что престарѣлый левъ однажды заболѣлъ, а лиса²⁾ его вылечила, но съ ущербомъ для волка, потому что съ послѣдняго сняли шкуру, въ которую долженъ быть закутаться больной король, чтобы согрѣться, и волкъ удалился такимъ образомъ безъ шкуры. Это вставочное повѣствованіе, какъ сейчасъ увидимъ,—книжнаго происхожденія. Послѣ того какъ волкъ окончилъ свой разсказъ, произошло взятіе бурга, освобождение теленка, возвращеніе его къ матери въ стадо и, наконецъ, умерщвленіе волка.

Какъ показываетъ самое заглавіе поэмы, авторъ послѣдней, передавая только что изложенную повѣсть, имѣлъ въ виду tropologiam, т. е. иносказаніе, и, говоря о теленкѣ, разумѣлъ себя. О томъ же свидѣтельствуютъ и начальные стихи произведенія:

¹⁾ „Εκβάσις—выходъ, выступленіе. Авторъ поэмы употребилъ немалое количество греческихъ словъ и въ самомъ изложеніи повѣствованія. См. о ней Voigt, Untersuchungen über den Ursprung der Ecbasis captivi—въ Friedrich-Gymnasium: Jahresbericht für das Schuljahr von Ostern 1873 bis Ostern 1874, Berl., 1874, и его же статью: „Noch einmal die Ecbasis”—въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, XI, 1 и 2. Эта поэма была открыта Я. Гриммомъ въ Брюссель въ сентябрь 1834 г. и издана въ 1838 г. въ ряду другихъ латинскихъ стихотвореній X и XI вв. (Grimm und Schmeller, Lateinische Gedichte des 10 und 11. Jahrh., Göttingen 1838, S. 243 f.), но текстъ того изданія заключаетъ множество искаженій, которыя попытался исправить Voigt, будучи наведенъ на необходимость такой работы указаніями самого Гримма (см. S. LI предисловія Гримма къ его изданию и замѣтку объ этомъ изданіи Götting. Gel. Anz 1838, S. 1363—Kleinere Schriften, V, 287). Издание Voigta—въ Quellen und Forschungen 8: Ecbasis Captivi. Das älteste Thierpos des Mittelalters, Strassb. 1875. Рецензія—Peiper'a въ Anz. f. d. A u. d. lit., II, 87 ff. при Zeitschr. f. deutsch. Alterthum XX (VIII); Seiler'a въ Zeitschr. f. deutsche Philologie, VIII, 362 ff.

²⁾ Лисъ усвояется здѣсь то мужской, то женской родъ.

Cum me respicio transactaque tempora volvo,
de multis miror, puerilis quae vehit error,
nil cogitans sanum, tempnens consortia fratrum.
nectebar neniis, nugis quia totus in illis.

Кромъ того поэма полна загадочныхъ намековъ на события того времени.

Такою же иносказательною цѣлью задавался и авторъ сравнительно небольшого стихотворенія, относящагося къ тому же X вѣку (нѣкоторые приписывали его XI-му столѣтію) и озаглавленнаго „*Gallus et Vulpes*“: вторая половина этого стихотв. содержитъ мистическое изъясненіе фабулы о томъ, какъ лиса схватила и понесла пѣтуха, искусно обманувъ его бдительность посредствомъ пробужденія въ немъ тицеславія, но затѣмъ сама была обманута пѣтухомъ, который, такимъ образомъ, освободился изъ ея зубовъ. Толкованіе разсказа придумано, очевидно, ученымъ теологомъ, пустившимъ свое поучительное произведеніе въ обращеніе черезъ посредство бродячихъ потѣшниковъ, или *Spielleute*, но самое повѣствованіе основано на простонародномъ сказаніи, бывшемъ уже тогда въ ходу,¹⁾ и справедливо можетъ быть включено въ исторію эпоса о лисѣ²⁾, какъ и предыдущее „*Ecbasis cuiusdam captivi*“.

„*Ecbasis*“, подобно „*Gallus et Vulpes*“ и другимъ латинскимъ произведеніямъ того времени, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ народной словесности³⁾, полно латинской учености⁴⁾, но вмѣстѣ съ

¹⁾ Таково мнѣніе *M. Heine*, *Altdeutsch-lateinische Spielmannsgedichte des 10. Jahrhunderts. Für Liebhaber des deutschen Altertums übertragen*, Göttingen 1900, S. XVI.

²⁾ Фабула, составляющая содержаніе стихотворенія „*Gallus et Vulpes*“, вошла въ позднѣйшій французскій *Roman de Renart*, именно въ эпизодъ о *Renart et Chanteclair* (*Le Roman de Renart*, publ. par E. Martin, t. I, branche II, vv. 291—468).—Стихотвореніе „*Gallus et Vulpes*“ было также напечатано Я. Гrimmomъ въ *Latein. gedichte des 10 und 11 Jahrh.*, S. 345 f.

³⁾ Разумѣемъ поэму *Waltarius*, X в., и *Ruodlieb* XI-го в.

⁴⁾ Объ отношеніи *Ecbasis* къ поэзіи Горация, а также другимъ латинскимъ поэтамъ, см. въ статьѣ *Bursian*: „*Beiträge zur Geschichte der classischen Studien im Mittelalter*“—*Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München*, 1873, Heft IV, S. 460—473. Voigt называетъ *Ecbasis*, вслѣдъ за *Bursian*омъ, прямо „ein Cento, der Alles, was die bisherige mittellateinische Dichtung in dieser Gattung leistete, weit hinter sich lässt, wie an Zahl der entwendeten Verse, so besonders in der Menge der benutzten Dichter“. „плагіатомъ въ самомъ смыслѣ этого слова“.

тѣмъ представляеть повѣствованіе, уже близкое къ содержанію и стилю средневѣковаго животнаго эпоса. Животный міръ оказывается уже въ этомъ произведеніи подчиняющимся королю льву и состоящимъ въ вассальной зависимости отъ него. При дворѣ короля льва происходятъ собранія, во время которыхъ имѣютъ мѣсто тѣ или иные интриги враждующихъ вассаловъ. Лиса сводить давніе счеты съ волкомъ. Она мала тѣломъ, но сильна умомъ и принадлежить къ тѣмъ, которые, по словамъ леопарда, *artibus expugnant, cum robore membra fatiscant* и т. п. Повѣствованіе носить уже эпической характеръ и отличается эпическою полнотою. Такимъ образомъ, по догадкѣ G. Paris-a¹⁾, уже въ X-мъ столѣтіи²⁾ въ восточной Франціи была намѣчена основная канва обширнаго циклическаго повѣствованія. Она состояла въ оттѣненіи различными эпизодами глухой или явной борьбы лисы и волка. Во всякомъ случаѣ „Ecbasis cuiusdam captivi“ можетъ называться старѣйшимъ средневѣковымъ памятникомъ болѣе или менѣе обширнаго эпоса о животныхъ, въ которомъ уже предстаетъ стиль животной эпопеи.

На ряду съ „Ecbasis captivi“ исторія этой эпопеи должна принимать во вниманіе и рядъ памятниковъ меньшаго размѣра, также изложенныхъ по-латыни и изданныхъ Voigt'омъ въ 1878 г.³⁾.

Нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ памятниковъ, каковы, напр., стихотвореніе „Sacerdos et lupus“, состоящее изъ 80 стиховъ⁴⁾, и „Alveradae asina“ (78 стиховъ), не принадлежать къ области эпоса о животныхъ,—они сравнительно бессодержательны и составляли скоп-

¹⁾ Le roman de Renard. Extrait du Journal des Savants (Septembre, Octobre et Décembre 1894, Février 1895), Par. M. DCCC XCV, p. 17, 32.

²⁾ Voigt находилъ возможнымъ установить точную дату этого произведения, пріуроченнаго имъ ко времени послѣ 936 г. и можетъ быть къ 940 г., но E. Steinmeyer считаетъ это пріуроченіе не вполнѣ обоснованнымъ, склоняясь къ мнѣнію Zarncke, относящаго Ecbasis къ гг. 925—930. См. Ergebnisse und Fortschritte der germanischen Wissenschaft im letzten Vierteljahrhundert Leipzig. 1902, S. 234. По мнѣнію Zarncke, авторъ Ecbasis'a только родился въ Тулѣ, а писать въ St. Etival'ѣ.

³⁾ Voigt, Kleinere lat. denkmäler der tiersage, 1878. Рец. Seiler'a—въ Zeitschr. f. d. A. № 3. XI (1879—Anz. V, 99 ff.).

⁴⁾ Dümmler въ Ztschr. f. d. A. XV, 452, указалъ второй списокъ этого стихотворенія. Подозрѣваются, что оно—французскаго происхожденія, и потому оно было исключено изъ 2-го изданія Müllenhoff und Scherer, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jahrhundert. Ср. мнѣніе Martin'a въ Götting. gel. Anz. 1898, 571.

рѣе поэтическую шутку изъ тѣхъ, которые входили въ обиходный запасъ перехожихъ потѣшниковъ (*Spielleute*), но для насть интересно, что героемъ и этихъ небольшихъ разсказовъ являлся волкъ, очевидно, немало занимавшій тогдашнее творчество. Сверхъ того стихотв. „*Sacerdos et lupus*“ могло быть основано на народномъ анекдотѣ; по крайней мѣрѣ, намъ приходилось слышать на Волыни народный разсказъ о томъ, какъ герой его попадаетъ въ одну яму съ волкомъ. Ср. еще одну Седмиградскую сказку¹⁾.

Намекъ на зарожденіе животнаго эпоса въ X-мъ столѣтіи усматриваются и въ заглавіи стихотв. „*Carmen de conflictu ovis et lini*“²⁾.

Въ стихотвореніи „*De lupo*“, написанномъ на рубежѣ XI и XII-го вв.³⁾, находимъ дальнѣйшее развитіе замысла, намѣченного въ „*Ecbasis captivi*“. Уже въ этой поэмѣ X-го в. волкъ, въ противоположность своимъ предкамъ, не отличавшимся благочестіемъ (*ries-tas*), становится воздержнымъ и въ теченіе семи лѣтъ, оставивъ кровавые разбои, живеть будто по христіански, чего однако не видно изъ обращенія его съ теленкомъ. Въ стихотвореніи „*De lupo, rastore et monacho*“, написанномъ въ началѣ XII-го в. на нижней Луарѣ, разсказывается о томъ, какъ волкъ былъ пойманъ пастухомъ, но сумѣлъ освободиться на время, пообѣщавъ возвратиться и представить другого волка въ качествѣ заложника. Ему попался на встрѣчу монахъ, который, по требованію волка, постригъ послѣдняго въ иноческій чинъ, выбривъ ему гуменце. Въ такомъ видѣ новопостриженный явился къ пастуху, и тотъ изъуваженія къ ставшему столь святымъ волку, отпустилъ его и его заложника на свободу. Но тотчасъ же по уходѣ оба волка обнаружили свою старую волчью натуру на стадахъ того же пастуха. Въ заключеніе волкъ говоритъ: „*Et modo sum monachus, caponicus modo sum*“.

Почти всѣ разсмотрѣнныя доселѣ произведенія латинской животной эпики возникли въ западной Германіи, невдалекъ отъ по-

¹⁾ Иного мнѣнія Gröber (*Grundr. der rom. Philol.*, II, a, 897) и др.

²⁾ См. замѣчаніе объ этомъ произведеніи въ Werner, Gerbert von Auvillac, 327.

³⁾ Въ своемъ первоначальномъ видѣ это произведеніе, также напечатанное Voigt'омъ въ ряду *Kleinere Denkmäler der Tiersage*, возникло около 1100 г.; поздѣе явилось двѣ переработки. Авторомъ его былъ французъ, неизвѣстный намъ по имени. Прежде усвоили это произведеніе, между проч., еп. Марбоду († 1123), но въ настоящее время эта догадка отвергнута.

границъя романскихъ говоровъ, либо въ области послѣднихъ, находившейся въ сосѣдствѣ съ нѣмецкими землями. Вообще въ X и XI вв. въ Лотарингіи появилось нѣсколько поэмъ на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ излагались сюжеты свѣтскіе и притомъ иногда заимствованные изъ народнаго творчества. Наряду съ „Ecclasis cuiusdam captivi“, „Waltharius“ и „Ruodlieb“ слѣдуетъ назвать еще „Fecunda Ratis“¹⁾, латинскую поэму X в., важную для исторіи Эзоповыхъ басенъ и пословицъ.

Главныя произведенія этой эпики, поэмы, въ которыхъ впервые, сколько известно, явились оставшіяся съ того времени въ литературѣ имена: волка—Isengrimus и лисы²⁾—Reinardus, возникли къ сѣверу отъ Франціи въ XI³⁾ и первой половинѣ XII-го вѣка.

Древнѣйшій дошедший до насъ литературный памятникъ такого вполнѣ сложившагося уже эпоса о волкѣ и лисѣ—„Ysengrimus“, критически изданный не разъ названнымъ нами Voigt'омъ. Начиная съ Я. Гrimма и до Voigt'a болѣе древнею поэмою считалось позднѣйшее извлеченіе изъ „Ysengrimus“, которое Гrimмъ назвалъ Isengrimus, издавъ его. Полагали, что оно было оригиналомъ обнаро-

¹⁾ Egberts von Lüttich Fecunda Ratis. Zum ersten Mal herausgeg. v Voigt, Halle 1889. Рецензія Sudre'a—въ Romania XX (1891), № 79.

²⁾ Впрѣдъ я буду употреблять малорусскую форму Лисъ, такъ какъ она своимъ мужскимъ окончаніемъ ближе къ формѣ имени лисы въ западно-европейскомъ эпосѣ. За исключеніемъ Баварскаго нарѣчія никакое другое нѣмецкое нарѣчіе не имѣть теперь женской формы имени лисицы feechin, соответствующей готскому слову fauno и althochdeutsch, включая и нарѣчіе Байоваровъ, foha.

³⁾ По словамъ G. Paris'a, „Le poème latin où pour la première fois apparaissaient les noms d'Isengrimus, de Reinardus et probablement la plupart des autres fut sans doute traduit de très bonne heure en français; il répandit dès le XI-e siècle dans l'Ile-de-France et la Picardie la connaissance de ces noms et le goût des aventures semblables à celles qu'il racontait. Mais qu'y avait-il dans ce poème primitif? Nous ne le savons pas. On peut se demander si ce n'est pas lui qui désigne l'auteur de la branche XXIV sous le nom d'Aucupre. Il est seulement probable qu'il racontait déjà les tours joués par Renard à Isengrin. Le principal mérite de ce poème est d'avoir donné aux animaux des noms d'hommes“. Cp. Gröber, I. c., 898. Potvin, Le Roman du Renard, Paris 1891, p. 51.

⁴⁾ Ysengrimus, Hrsg. u. erklärt von E. Voigt. Halle a. S. 1884. Рецензіи: G. Paris'a—въ Revue critique 1884, article 152; Liter. Centralblatt 1884, № 35; Peiper'a—въ Götting. gel. Anz. 1886, № 7; Romania XIII, 495. См. въ особенності замѣтку Laistner'a въ Anz. f. deutsch. Alt., IX, 216 ff.

дованнаго Mone въ 1832 г. распространеннаго сказанія, произвольно названнаго „Reinardus vulpes“ (въ рукописи оно не имѣть заглавія). Voigt призналъ послѣднее произведеніе подлинникомъ, а Гrimмомъ напечатанное—извлечениемъ, которому далъ название „Ysengrimus abbreviatus“ согласно съ индексомъ Берлинской рукописи. Послѣ Voigt'a подвергъ специальному изслѣдованию этотъ памятникъ L. Willems. По его мнѣнію, не вполнѣ обоснованному²⁾, авторъ Ysengrin'a³⁾ черпалъ материалъ для своего произведенія не изъ устнаго преданія, а изъ письменныхъ источниковъ, именно изъ манускриптовъ труверовъ, содержавшихъ такие разсказы, какъ эпизоды о пилигримствѣ Репара, о монашествѣ волка, о Шантеклерѣ и Ренарѣ и т. п. Такимъ образомъ, Willems считаетъ источникомъ 11 эпизодовъ Ysengrinus'a (за исключениемъ 12-го отдѣла, отличающагося самостоятельностью) болѣе старыя литературныя обработки французскихъ branches. Въ Ysengrimus повторяется упомянутый уже выше разсказъ объ излечениіи больного льва посредствомъ согрѣванія его шкурою, которую, по совѣту Рейнарда, должно было содрать съ волка. Лисъ разсказываетъ одно происшествіе изъ предшествовавшей тому жизни волка: различные животные, въ томъ числѣ Reinardus, совершили путешествіе ко святымъ мѣстамъ; когда они отдыхали на одномъ постояломъ дворѣ въ лѣсу, туда подкрался съ разбойничьимъ умысломъ волкъ Изенгримъ и былъ отклоненъ отъ злодѣянія только лѣстивыми представленіями Лиса. Передъ этими эпизодами и за ними стоять другіе, и почти въ каждомъ

¹⁾ L. Willems, Étude sur l'Ysengrinus, Gand 1895. Рец. Sudre-a-Romania XXIV (Octobre 1895), № 96, pp. 602—606.

²⁾ См. не совсѣмъ одобрительный замѣчанія Langlois объ изслѣдованіи Willems'a—въ „Kritischer Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie, IV. Bd., Erlangen 1898—1900, II, 99—101.

³⁾ На основаніи надписи надъ однимъ позднѣе переписаннымъ отрывком Reinardus, открытой впервые K. Lachmann'омъ въ Flores auctorum одной Берлинской рукописи, авторомъ первоначального произведенія считается Magister Nivardus; но гдѣ и когда писалъ послѣдній, мнѣнія расходятся. По мнѣнію Гrimма, эта поэма была написана въ годы отъ 1150 до 1155. Voigt стоитъ за возникновеніе поэмы въ Гентѣ въ годы отъ 1146 до 1148. Willems возстаетъ противъ фланандскаго происхожденія поэмы и пріурочиваетъ ее къ Лиллю и къ гг. 1151—2, но критика признаетъ эти предположенія названнаго ученаго неубѣдительными, соглашаясь съ нимъ въ томъ, что устанавливаемыя Voigt'омъ подробности біографіи Ниварда частю ложны, а частю совсѣмъ не доказаны.

изъ нихъ говорится о какомъ-нибудь несчастіи, постигшемъ Изенгрима. Одинъ разъ, впрочемъ, послѣднему посчастливилось, и виновникъ большей части несчастій Изенгрима, Reinardus однажды также попасть въ бѣду благодаря Изенгриму. Въ концѣ волкъ находить смерть, пострадавъ отъ стада дикихъ свиней, но безъ участія въ томъ Рейнарда и въ отсутствіе послѣдняго. Весь разсказъ уснащенъ рѣзкими выходками противъ пороковъ духовенства.

Есть еще пѣсколько латинскихъ произведеній, относящихся къ животному эпосу, но они не заслуживаютъ вниманія въ обзорѣ, который занимаетъ насъ теперь, потому что представляютъ басни въ Эзоопическомъ родѣ, либо отличаются рѣшительно поучительнымъ характеромъ и принадлежать позднѣйшему времени. Нѣкоторые изъ этихъ позднѣйшихъ памятниковъ, хотя и не задавались вполнѣ поучительной тенденціею, не представляли движенія саги впередъ и были отголосками предшествовавшихъ повѣствованій, такъ что уподобляются разсмотрѣннымъ ранѣе. Изъ этихъ позднѣйшихъ памятниковъ эпоса о животныхъ на латинскомъ языкѣ довольно значительнымъ размѣромъ отличается Poenitentiarius¹⁾, относящейся къ XIII-му столѣтію и заключающей сатиру на духовенство.

Итакъ, первый крупный памятникъ средневѣковой латинской эпики о животныхъ относится къ первой половинѣ X-го вѣка (Ec-basis), а послѣдний (Ysengrimus, прежде наз. Reinardus) — къ половинѣ XII-го вѣка. Ясень постепенный ростъ разсмотрѣнныхъ латинскихъ сказаний: Ec-basis состоить изъ двухъ эпизодовъ, изъ которыхъ одинъ вставленъ въ другой, а послѣдняя крупная поэма отличается уже весьма значительнымъ объемомъ, плановообразнымъ построениемъ, художественнымъ выполнениемъ и веселой шуткой. Первые поэмы о Ренарѣ и Изенгримѣ были составляемы на латинскомъ языкѣ клерками, но распространителями ихъ могли быть и странствующіе увеселители (joculatores=jongleurы=Spielleute)²⁾.

Такого же клерикального происхожденія могли быть и первыя французскія подражанія латинскимъ поэмамъ, но довольно скоро

¹⁾ См., между проч., F. Kritius, De codicibus Bibliothecae Amplonianaer Erfurtensis potioribus. Accedit poema seculi XIII ad fabulam vulpinam pertinens, quod Poenitentiarius inscribitur. Erfurti MDCCCL.

²⁾ M. Heyne высказалъ такое предположеніе касательно „Sacerdos et lupus“, „Alveradae asina“, „Gallus et Vulpes“. Ср. приведенное замѣчаніе G. Paris'a касательно латинской поэмы, гдѣ впервые были названы особыми именами волкъ и лись.

этотъ сюжетъ сталъ излюбленнымъ въ средѣ французскихъ жонглеровъ и мірянъ и пріобрѣлъ огромную популярность во Франціи при Людовикѣ VII, Филиппѣ II и Людовикѣ Св., а также распространился и за предѣлами Франціи.

Такимъ образомъ, изъ произведеній жонглеровъ въ XII в. началь слагаться уже большой эпической циклъ, обшироное произведеніе, не вполнѣ еще связное и не вполнѣ художественное, но пріобрѣвшее уже громкую известность и распространившееся по романо-германскому Западу. Оно именовалось всюду по своему главному герою повѣствованіемъ о Лисѣ.

Въ древнѣйшей, извѣстной намъ, формѣ, отъ которой отправились всѣ другіе пересказы, это произведеніе возникло во Франціи, гдѣ называлось *Roman de Renart*. Оно представляло не связное цѣлое, а сборникъ отдѣльныхъ извѣска бывшихъ въ обращеніи либо недавно составленныхъ сказокъ въ стихахъ, въ которыхъ главную роль игралъ Лисъ, но въ которыхъ представляли также и другія животныя. Древнѣйшіе пересказы (бранши), сложенные, вѣроятно, уже въ послѣдней трети XII в. и анонимные, дошли до насъ не въ оригиналѣ, а въ передѣлкахъ и подновленіяхъ. Тѣ, происхожденіе которыхъ можетъ быть опредѣлено, возникли въ Иль-де-Франсѣ, Бри, Шершѣ, Нормандіи, Пикардіи и Артуа¹⁾). Одинъ изъ извѣстныхъ намъ авторовъ, *Pierre de Saint-Cloud*, могъ написать уже въ половинѣ XII-го вѣка поэмы, снискавшія ему извѣстность²⁾; и можно сказать съ значительной вѣроятностію, что *Roman de Renart* возникъ послѣ 1165 г.³⁾. Но дошедшее до насъ собраніе браншей подъ этимъ именемъ составилось не раннѣе 1230 г.⁴⁾.

¹⁾ G. Paris, 10.

²⁾ Тамъ же, 14.

³⁾ E. Martin въ рецензіи на Manuel G. Paris'a: „für den Roman de Renart sähe ich gern das datum „nach 1165“ angeführt, welches für die branche IV fest steht“. Zeitschr. f. deutsch. Alt., XXXIII, 3. 4 Heft, Anz., S. 370.—Th. Stork, Sprachliche Untersuchungen zum Roman de Renart, Leipz. 1901, приводитъ къ выводу: „Aus sprachlichen Gründen können die meisten Branchen an das Ende des 12. Jahrh. oder an den Anfang des 13. Jahrh. gesetzt werden“.

⁴⁾ Новѣйшее изданіе принадлежитъ E. Martin'у и вышло въ Страсбургѣ въ 1882—1887 гг. Рецензію на это изданіе см. въ Romania XVII (Avril 1888), № 66 и въ Archiv für das Studium der neueren Sprach. u Liter., LXIX, 1 Heft, 109—112.—См. еще того же E. Martin Observations sur le Roman de Renart, suivies d'une table alphabétique des noms propres. Supplément de l'édition du roman

Рядомъ съ этимъ французскимъ произведеніемъ должны быть поставлены попытки составить связное цѣлое изъ разрозненныхъ французскихъ сказаний: латинский *Ysengrimus*, средне-нѣмецкая поэма *Reinhart Fuchs* (около 1180 г.), написанная въ Эльзасѣ Генрихомъ *Glichezâre* (она—старѣйшій нѣмецкій животный эпосъ и подобно *Ysengrimus* древнѣе всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ манускриптовъ Романа о Ренарѣ¹⁾) и нидерландская поэма *Reinaert*,

de *Renart*, Strassbourg 1887. Первая статья объ этихъ *Observations*—въ *Revue critique* 1888 № 43. *Sudre*, Sur une branche du Roman de *Renart*—Romania, XVII (1888 Janvier) № 65. Во времена Чaucera была известна какая-то отмѣнная версія *Roman'a de Renart*, не дошедшая до насъ (см. *Ter Brink*, II, 184). Ср. замѣтку *E. Gardley*: „*Aesop*”—въ *Queries*, 7 th S. IX (1890), p. 62. Ср. ниже. *H. Büttner* въ диссертациї: *Die Überlieferung des Roman de Renart, insbesondere die Handschrift O*, Strassb., 1891, попытался возсоздать прототипъ, къ которому восходятъ вѣс французскія рукописи Романа о Лисѣ, дошедший до насъ, и который, по его мнѣнию, не совѣмъ правильно возстановленъ послѣднимъ издателемъ—*Martin'omъ*. Этотъ архетипъ начинался процессомъ Ренара, осадою его замка Монпертюи и заканчивался мимою смертию Ренара. Эту реставровку принялъ и *G. Paris* (см. р. 8). Во II-мъ выпускѣ своихъ *Studien*, озаглавленномъ: „*Der Reinhart Fuchs und seine französische Quelle*“, *Büttner* устанавливаетъ отношеніе обоихъ этихъ произведеній согласно съ *Martin'омъ*. *Voretzsch* разобралъ оба эти труда въ *Literaturbl. f. germ. u. rom. Philol.* 1892 № 5, а въ статьѣ: „*Der Reinhart Fuchs Heinrichs des Glichezâre und der Roman de Renart*“ (*Zeitschr. f. romanische Philologie*, XV и XVI) сравнилъ нѣмецкую поэму *Reinhart Fuchs* съ французскимъ романомъ о Ренарѣ и пришелъ къ выводу, что нѣмецкое подражаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что дошедшая до насъ бранши французского оригинала представляютъ подновленіе по сравненію съ текстомъ, бывшимъ въ концѣ XII-го столѣтія подъ руками у нѣмецкаго передѣльвателя *Martin* (*Zeitschrift für romanische Philologie*, XVIII) оспариваетъ этотъ выводъ, но *G. Paris* принимаетъ его (р. 9). См. еще. *J. Lange*, *Les rapports du Roman de Renart au poème allemand de Henri le Gleissner*, Neumark, 1887 (Beilage zum XIV. Bericht über das Progymnasium zu Neumark Westpreuss.) и *Heinrichs des Gleissners Reinhart und der Roman de Renart in ihrer Beziehungen zu einander*, Neum. 1889. *Lange* пришелъ къ выводу, что въ „*Reinhart'ѣ*“ мы имѣемъ переводъ оригинала послѣдующихъ французскихъ браншей, явившихся переработкою отдѣльныхъ частей первоначального романа“.

¹⁾ Въ старѣйшемъ видѣ до насъ дошла лишь незначительная часть, а въ полномъ видѣ лишь обработка XIII в. Послѣднее изданіе составляетъ 7-й томикъ „*Altdeutsche Textbibliothek*, herausg. von H. Paul“ и озаглавлено: „*Reinhart Fuchs*, Herausg. V. K. Reissenberger, Halle a. S. 1886“. См. еще *Schönbach*, Die Überlieferung des *Reinhart Fuchs*—*Zeitschr. f. d. Alterth.* XVII (XXIX), 1 Heft.

первая часть которой была написана около 1250 г.¹⁾; французская же поэма о Ренарѣ, повторяю, не составляет вполнѣ связнаго повѣствованія; количество и размѣщеніе бранней различны въ рукописяхъ.

Главнымъ образомъ благодаря нидерландскому изводу сказаніе о Рейнгарте достигло широкой извѣстности въ позднѣйшее время. Между проч., тотъ изводъ черезъ посредство нижне-нѣмецкой передачи (*Reinke de vos*) послужилъ отдаленнымъ источникомъ Гетевской обработки²⁾.

Эпосъ о Ренарѣ распространился и по другимъ странамъ³⁾. Въ XVI-мъ столѣтіи, когда нѣмецкая литература вновь шла обѣ руку съ латинской и когда нѣмецкіе ученые были готовы излагать поэтическіе сюжеты скорѣе по-латыни, чѣмъ по-нѣмецки, нѣмецкая обработка сказанія о Рейнке была переведена на латинскій языкъ, и эта книга отъ 1566 до 1595 г. была напечатана 7 разъ⁴⁾.

¹⁾ Библиографію нидерландскихъ и др. обработокъ см. въ *Reinke de vos*, Herausg. von F. Prien, Halle 1887. Прибавимъ издание: *Van Helten'a, Groningen* 1887. Еще см. *Neue Fragmente des Gedichts van den Vos Reinaerde und das Bruchst點k van bere Wisselauwe* hrsg. von E. Martin, Strassb. (QF 65). См. также *Belgisch Museum* 1842, 409—429 (Willems, Reinardiana).

²⁾ Prien, *Reinke de vos*, XXIV u. fgde.

³⁾ Въ Англіи въ правление Эдуарда I была написана на англійскомъ языке небольшая поэма „Of the Vox and of the Wolf“; см. *Reliquiae antiquae*, ed. by T. Wright and J. O. Halliwell, vol. II, p. 272—278. Стихотв. o fals fox помѣщено въ vol. I *Reliquiae antiquae*, p. 4—5. Напечатанная тамъ же „Fable of the wolf and the country woman“, по словамъ издателей, „is the same in substance as the first fable of Avienus“. См. затѣмъ „The most delectable History of Renald the Fox. Ed. with Introduction and Notes, by J. Jacobs. Lond. 1893“.—Въ Италіи также нашлись слѣды проникновенія французскаго эпоса о Ренарѣ: см. *Rainardo e Lesengrino*, per cura di Emilio Teza, Pisa 1869; Putelli, *Un nuovo testo veneto del Renard*—Giorn. di Fil. rom., II, 150 и слѣд.; перепечатку см. въ *Le roman de Renart*, publ. par E. Martin, deux. volume (les branches additionnelles), p. 358—380. У Данте рѣка Арио отъ самыхъ истоковъ протекаетъ среди грубыхъ свиней, потомъ среди *волковъ* Флоренціи, на конецъ, среди хитрыхъ *лисицъ*, обитателей Пизы (*Inferno*, XVIII, 25; *Purgatorio*, XV, 21). См. еще Giambattista Basile 1883, № 7 и A. Todt, *Die franco-italienischen Renartbranchen*, Darmstadt 1903, где есть библіографическая указанія, здѣсь опущенные. Параллели къ разсказу о *volpe e del mulo* въ *Novellino* см. въ ст. d'Ancona въ *Romania* III (№ 10), 184.—Сказанія европейскаго эпоса о животныхъ проникли даже въ далекую Африку. См., напр., *H. Gaidz* рец. на *The Folk-Lore of the Fjort* (French Congo), By R. Bennett,—въ *Mélin-sine* 1899, Janvier-Février. Вообще животные сказки принадлежать къ обще-распространеннымъ въ сильнейшей степени. Ср. еще Reissenberger, *Reinhart Fuchs*, 12, 2 Ann.

⁴⁾ Послѣднее латинское издание XVI-го вѣка носить заглавіе: *Speculum*

Какъ было уже сказано выше, средневѣковой эпосъ о Лисѣ хорошо знакомъ и новѣйшей читающей публикѣ въ обработкѣ Гёте, передѣлавшаго текстъ, вышедшій изъ фланандскаго Reinaert'a¹⁾.

Древне-русская литература даже въ лучшую пору ея развитія, въ Кіевскій періодъ, не знала, конечно, ничего подобнаго. Да и отъ послѣдующаго времени мы имѣемъ лишь рядъ небольшихъ сатирическихъ произведеній и народныхъ сказокъ, повторяющихъ тѣ или иные отдѣльные эпизоды, изъ которыхъ слагается романъ о Ренарѣ. Это отсутствіе у насъ художественно-грандіознаго свода и претворенія разрозненныхъ сказаний эпоса о животныхъ не есть особенность только нашей животной эпики. Не знала древне-русская литература и такихъ грандіозныхъ и цѣльныхъ изложеній дохристіанскихъ вѣрованій, какъ Эдда, и такихъ художественныхъ обработокъ національнаго былого эпоса, какъ „Пѣснь о Нибелунгахъ“, „Кудруна“, „Пѣснь о Роландѣ“ и т. п. Всѣ эти отличія нашей древней литературы отъ западной были обусловлены общимъ направленіемъ нашей древней культуры.

Тѣмъ не менѣе, и для русской народной словесности, обладающей цѣлымъ рядомъ сказокъ о лисѣ и другихъ, имѣющихъ отношеніе къ эпосу о животныхъ, и для исторіи древне-русскихъ идеаловъ, возвеличивавшихъ, между прочимъ, хитрость и умъ, напр., въ лицѣ Ольги²⁾, а не только для исторіи идеаловъ западно-европейскихъ, а равно и для уясненія сравнительного достоинства методовъ изслѣдованія фольклора вообще полонъ глубокаго интереса вопросъ о происхожденіи западнаго эпоса о Лисѣ, являющагося однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и универсальнѣйшихъ созданій творчества.

Этимъ вопросомъ, какъ и вообще вопросомъ о возникновеніи произведеній народнаго творчества и сходствѣ между однородными

vitae aulicae de admirabili fallacia et astutia Vulpeculae Reinikes libri quatuor, nunc primum ex idiomate germanico latinitate donati, adjectis elegantiss. iconibus, auctore Hartmanno Schoppero. Francofurti ad M. 1595.

¹⁾ Роскошно-иллюстрированное изданіе русскаго перевода было выпущено въ „Иллюстрированной библіотекѣ Нивы“ 1902 года подъ заглавиемъ: „Лисъ Шатрикѣчъ. Поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ Іоганна Вольфганга Гёте. Съ 36-ю эстампами на мѣди Вильгельма Каульбаха. Переводъ В. С. Лихачова“.

²⁾ Объ эпическомъ образѣ Ольги см. въ статьѣ Буслаева: „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“—Русский Вѣстникъ 1873, № 1, стр. 309 и слѣд.

созданіями словесности различныхъ народовъ, наука занялась лишь съ XIX в., но доселѣ не пришла къ прочному окончательному выводу. Изучая эпосъ о Лисѣ, она наталкивается на тѣ же камни преткновенія, о какіе доселѣ разбиваются ея усилия въ попыткахъ выяснить генезисъ сказокъ, былинъ и т. п. произведеній словесности. Гдѣ источникъ удивительного сходства эпизодовъ романа о Лисѣ со сказками разныхъ народовъ, какъ сложилась удивительная канва этого романа и каковъ смыслъ его обработокъ первоначальныхъ и послѣдующихъ?

Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, въ особенности вопроса о происхожденіи новоеевропейскаго эпоса о Лисѣ, смынялись и борются тѣ же общіе взгляды на причины сходства тѣхъ или иныхъ сказаний у различныхъ народовъ, которые заправляли изслѣдованіями фольклора вообще.

Въ послѣднее 30-лѣтіе въ наукѣ усилилось вниманіе къ вопросу о происхожденіи и развитіи западно-европейскаго эпоса о животныхъ, ослабѣвшее было послѣ 1832—1840 гг., когда пѣмѣцкая сага о животныхъ занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ изслѣдованіяхъ германистики. Со времени выхода въ свѣтъ „Untersuchungen über den Ursprung der Ecclasis captivi“ E. Voigt'a (1874) явился цѣлый рядъ новыхъ изданій и изслѣдованій, значительно подвинувшихъ впередъ постановку и рѣшеніе важнаго вопроса о генезисѣ западно-европейской животной эпики.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я разсмотрю: 1) какъ примѣнялись къ этой эпикѣ основныя гипотезы науки о фольклорѣ? и 2) къ чому приводить провѣрка ихъ въ области эпоса о животныхъ? Но, конечно, намъ нельзя сказать съ увѣренностью подобно труверу одной изъ браншей (VII-й) романа о Ренарѣ:

Tant home ont de Renart fable, Mes j'en dirai la verit ¹⁾.

III.

Какъ извѣстно, Я. Гримму²⁾ принадлежитъ созданіе знаменитой теоріи объ исконной, первобытной индо-германской животной

¹⁾ Le Rom. de Ren., I, 246.

²⁾ См. знаменитое введеніе въ его книгѣ Reinhart Fuchs, Berl. 1834. Дальнѣйшее развитіе эта теорія Я. Гримма получила въ его рецензіи на книгу Jonckbloet'a Étude sur le Roman de Renart, Groningue 1863, помѣщенной въ Göttingische gelehrte Anzeigen 1863 и перепечатанной въ Kleinere

сагъ (Thiersage) этическаго характера. Отголоски преимущественно этой саги, наилучше сохранившейся и развившейся съ особой полнотою и этическою закругленностью въ глубинѣ древне-германскихъ дремучихъ лѣсовъ и приобрѣтшей уже тамъ форму связнаго и стройнаго повѣствованія, слышатся въ народной германской „животной эпопеѣ“, и именно эта эпопея составила основу средневѣковаго французскаго и возвратившагося оттуда на родину нѣмецкаго эпоса о Рейнгарте, или Ренарѣ. Лишь немногое было занесено изъ Индіи къ грекамъ, славянамъ и германцамъ. Разсказы, содержащіе главныя очертанія животной саги въ цѣломъ, составляютъ исключительную принадлежность саги нѣмецкой и сѣверовосточной, и не встрѣчаются ни у грековъ, ни у индійцевъ. Теорія Гrimма, усматривавшаго въ средневѣковомъ эпосѣ о животныхъ по преимуществу отголоски созданныхъ германцами и развитыхъ специально франками преданій и сказаний, столь же національныхъ, какъ и германскій героический эпосъ, держалась довольно долго въ германскихъ земляхъ и во Франції, въ которой была введена въ обращеніе Форілемъ. Лишь нѣкоторыя ограниченія были внесены въ эту теорію Гервинусомъ, замѣнившимъ жив. сагу „животною сказкой“, и Вакернагелемъ, признавшимъ несостоятельными иные изъ доказательствъ Гrimма и отмѣтившимъ важность античныхъ басенъ и значеніе Галліи въ передачѣ ихъ.

По прошествіи 12 лѣтъ, теорія Я. Гrimма начала вызывать прямые возраженія со стороны современныхъ ему нѣмецкихъ ученыхъ, занимавшихся античною и восточною басней, и указывавшихъ на соотношенія западнаго животнаго эпоса съ этой басней¹⁾. Во Фран-

Schriften, V.—Вильгельмъ Гrimмъ раздѣлять мнѣніе своего брата о весьма отдаленномъ возникновеній эпоса о животныхъ. По его словамъ (Kinder und Hausmärchen, III^a, 414), „только спокойный народъ пастуховъ и охотниковъ могъ подемотрѣть скрытую жизнь животныхъ въ лѣсахъ, лугахъ и пустыняхъ и видѣть въ устройствѣ жилищъ, заботѣ о пропитаніи и уходѣ за маленькими порядокъ, близко подходящій къ человѣческому“.

¹⁾ Hertzberg въ переводѣ басенъ Бабрия, Halle 1846.—A. Weber, Ueber den Zusammenhang indischer Fabeln mit griechischen, Berl. 1855, S. 36 fgde; O. Keller, Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel—въ Fleckeisen's Jahrbücher für classische Philologie, IV. Supplementband, S. 309 ff.—Зачатки этой теоріи замѣчаются давно. Уже въ статьѣ о книжѣ Dunlop'a въ Wiener Jahrbücher 1824, Bd. XXVI, S. 47, читаемъ: „Ungern haben wir die Aesopische Fabel ganz vermisst. Freylich sind bei den Griechen wohl nur Trümmer eines ganzen zusammengehörigen Cyclus von Thiermärchen aus dem Orient herübergekommen und im Gange gewesen“.

ци иѣсколько позже усумнился въ вѣрности гипотезы Гrimма R. Paris¹⁾. Этотъ ученый выдвинулъ гипотезу касательно значительнаго воздействиія Эзопическихъ басенъ и вообще чисто литературнаго происхожденія Романа о Ренарѣ. Въ 1861 г. Potvin также усвоилъ главное значеніе Эзопическимъ баснямъ и Физиологу, но допускать еще при этомъ сильное германское воздействиѣ. Воззрѣнія R. Paris'a были отвергнуты Jonckbloet'омъ и Я. Гrimмомъ, но потомъ нашли въ Германиѣ поборника въ лицѣ Mullenhoff'a.

Mullenhoff²⁾ отрекся отъ теоріи Гrimма и принялъ относительно Ренара мнѣніе R. Paris'a, по которому средневѣковая животная эпопея есть созданіе не народнаго творчества, а продуктъ въ значительной степени книжной учености средневѣковыхъ clerics'овъ, т. е. книжныхъ людей, воспользовавшихся Эзопическою басней. Имена героевъ средневѣковаго эпоса о животныхъ возникли незадолго до 1112 г. въ мѣстности, где соприкасались романцы съ германцами, въ сѣверо-восточной Франціи или во Фландріи и Артуа, и распространились изъ сѣверной Франціи въ другія земли.

Такое возведеніе западно-европейскаго эпоса о животныхъ къ античной баснѣ и ея индійскимъ первоисточникамъ было однимъ изъ видоизмѣненій того мнѣнія, широкое обоснованіе котораго въ области сказокъ доставило славу Benfeю,—мнѣнія, по которому сходство сюжетовъ въ повѣстователной литературѣ разныхъ народовъ стало возможно вслѣдствіе распространенія въ историческое время сказаний, первоначально возникшихъ лишь въ одномъ мѣстѣ³⁾.

Въ примѣненіи къ животному эпосу теорія такого позднѣшаго проникновенія чуждыхъ сказаний въ народную словесность и странствованія сюжетовъ въ особенности заманчива, потому что можетъ находить и находить опору въ несомнѣнномъ воздействиѣ на европейскую культуру восточнаго и античнаго аполога, между прочимъ—путемъ школы, начиная со временъ риторскихъ школъ, процвѣтавшихъ въ послѣдніе вѣка Римской имперіи. А въ басняхъ

¹⁾ Les Aventures de maître Renart et d'Ysengrin, son compère, suivies de nouvelles recherches sur le Roman de Renart, Par. 1861.

²⁾ Ueber Reinhart Fuchs—Zeitschrift für deutsch. Alterthum, XVIII (N. F., VI), 1 ff. Подобное же мнѣніе не разъ высказывалъ и W. Scherer, начиная съ 1865 г. (книга о J. Grimm, 152 ff.).

³⁾ Ср. Benfey, Pantschatantra, I, 107.

античныхъ, въ частности Эзопическихъ, находять немало мотивовъ средневѣковаго эпоса о Лисѣ.

Въ Эзоповой баснѣ видную роль играеть хитрость и ея представительница лиса, выступающая въ весьма многихъ басняхъ. У Федра отношенія волка съ лисицей также не шуточныя.

Уже въ старѣйшую изъ крупныхъ средневѣковыхъ поэмъ о волкѣ и лисѣ, именно въ „Ecclasis captivi“, вошла Эзопическая басня о болѣзни льва и лисѣ, переданная Горациемъ, оказавшимъ такое сильное вліяніе на автора той поэмы.—Въ „Sacerdos et lupus“ также усматриваются слѣды вліянія Эзопической басни, встрѣчающейся и у Федра, а равно находять ихъ и въ одномъ изъ эпизодовъ „Ysengrimus“. Открываются далѣе отношенія къ баснямъ и въ нѣкоторыхъ разсказахъ „Roman'a de Renart“.

Въ виду этихъ фактовъ и ряда данныхъ о раннемъ проникновеніи античной басни къ германцамъ послѣдователь Mellenhoff'a въ занимающемъ нась здѣсь вопросѣ Reissenberger пришелъ къ выводу, что въ началѣ среднихъ вѣковъ германцы, въ особенности франки, восприняли изъ античной сокровищницы басенъ тѣ, которыхъ относились къ животнымъ, и эти-то басни и составили основу, зерно, изъ котораго развились средневѣковыя эпическія сказанія о животныхъ и то, что Я. Гриммъ называлъ „Thiersage“¹⁾.

Въ послѣднія десятилѣтія исторія переживаний древней и восточной басни на средневѣковомъ Западѣ разработана въ цѣломъ рядъ основательныхъ научныхъ трудовъ, изъ которыхъ назовемъ здѣсь: *E. Mall, Zur Geschichte der mittelalterlichen Fabellitteratur und insbesondere des Esope der Marie de France, Halle 1885* (Sonderabzug a. d. Zeitschrift f. romanische Philologie, Bd. IX, Heft. 2/3); статьи Voigt'a: „Zum erweiterten Romulus“; „Odo de Ciringtonia und seine quellen“; „Thierfabeln und thierbilder des beginnenden XI. Jhs.“ (Zeitschr. f. d. Alt., neue Folge, XI, 3-tes Heft 1879); *L. Hervieux, Les fabulistes latins depuis le si鑒le d'Auguste jusqu'à la fin du moyen-âge. Phèdre et ses imitateurs directs et indirects. Avianus et ses anciens imitateurs. Eudes de Cheriton et ses dérivés. 4 vols. Par. 1884—1896*²⁾;

¹⁾ Reissenberger, Reinhart-Fuchs, 4—13, 22—23.

²⁾ I-й и II-й томы этого изслѣдованія вышли во 2-мъ изданіи (entièrement refondue) въ Парижѣ въ 1893—94. Рец. *Sudre'a* на это изданіе см. въ *Romania* XXIV, № 94 (Avril 1895). О первомъ изданіи этихъ томовъ см. статью *G. Paris* въ *Journ. de Sav.*, déc. 1884 et janv. 1885, вышедшую и отдѣльнымъ

Его же *Notice sur les fables latines d'origine indienne*, Par. 1898; *C. Marchesi*, *Duo codices mss. Anonymi Neveleti*, Catania 1898; *The Fables of Aesop*, as first printed by William Caxton in 1484, with those of Avian, Alfonso and Poggio, now again edited and induced by *J. Jacobs*, with Introductory Verses by Mr. Andrew Lang; a History of the Aesopic Fable, a Pedigree Chart of the Aesopic Fable, an Index of the Fables and a Synopsis of Parallels etc. 2 vols. Lond. 1889¹⁾; *B. Herlet*, *Beiträge zur Geschichte der äsopischen Fabel im Mittelalter*, Bamb. 1892 (Programm des Kgl. alten Gymnasiums zu Bamberg); *Die Fabeln der Marie de France*. Herausg. von *K. Warnke*, Halle 1898; *Les Contes moralisés de Nicole Bozon*, frère mineur, publiés... par Lucy Toulmin Smith et P. Meyer, Par. 1889 (Société des Anc. Textes); *Die Fabeln Gerhards von Minden* herausg. von A. Leitzmann, Halle a. S., 1898. Явилась предметомъ изслѣдованія и исторія нѣкоторыхъ Эзопическихъ басенъ въ отдельности: *M. Fuchs*, *Die Fabel von der Krähe* etc., Berl. 1886; *K. Górska*, *Die Fabel vom Löwenantheil in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, Berl. 1888; *M. Ewert*, *Über die Fabel „Der Rabe und der Fuchs“*, 1892. Имѣется и указатель научной литературы по этому вопросу: *G. Keidel*, *Romance and Other Studies. Number Two: A Manual of Aesopic fable literature. A First Book of Reference for the Period Ending A. D. 1500*. First fascicule. Baltimore. 1896²⁾. Наконецъ, должны быть упомянуты здѣсь и послѣдніе труды по исторіи басни восточной и греческой: *M. Mar-*

оттискомъ; см. также *Romania* XIII, 494. О послѣднемъ томѣ см. ст. *B. Hau-réau*, *Eudes de Cheriton*—въ *Journal des Savants*, Fevr. 1896. См. далѣе *G. Paris*, *Les Fabulistes latins: Jean de Capoue et ses dérivés*, par. L. Hervieux;—*Les manuscrits du Kelila et Dimna de Jean de Capoue*, par. L. Hervieux—въ *Journal des Savants* 1899, avril, octobre, p. 207—226, 581—595.—См. еще замѣчанія *Langlois* въ *Kritischer Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie*, IV, Bd., II, 97—98.

¹⁾ Рец. на эту книгу, принадлежащая Sudre'у, см. въ *Romania* XX (1891), № 78.—Упомянемъ еще о другой книгѣ того же издателя: *The Fables of Bidpai; or, The Morall Philosophie of Doni: Drawne out of the auncient writers, a work first compiled in the Indian tongue. Englished out of Italian by Thomas North etc. 1570. Now again edited and induced by J. Jacobs, together with a Chronologico-Biographical Chart of the translations and adaptations of the Sanskrit original, and an Analytical Concordance of the Stories etc.* Lond. 1888.

²⁾ Книжка эта, впрочемъ, не удовлетворительна. См. отзывъ о ней *Langlois*. Краткая рецензія на нее помѣщена въ *Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur*, XIX (1897), Heft 2 u. 4, S. 22—23.

chianò, L'origine della favola greca e i suoi rapporti con le favoli orientali, Trani 1900; *F. Ribezzo*, Nuovi studi sulla origine e la propagazione delle favole indo-elleniche comunemente dette Esopiche, Napoli 1901, и статьи по поводу последней книги *A. Barth*. De l'origine et de la propagation des fables (Journal des Savants, Novembre, Décembre 1903; Janvier 1904).

Изучение средневѣковыхъ басенныxъ сборниковъ можетъ иногда приводить къ выводамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе устанавливаютъ поборники книжнаго происхожденія средневѣковаго эпоса о животныхъ¹⁾). Врядъ ли уже это и дальнѣйшее изученіе басни прибавитъ что-нибудь существенно новаго къ исторіи возникновенія новоевропейскаго эпоса о животныхъ, тѣмъ болѣе, что исторія самой Эзопической басни доселъ еще оставляетъ вопросъ спорнымъ, какъ то показываетъ одна изъ новѣйшихъ монографій о происхожденіи греческой Эзопической басни (Marchianò), ратующая за эллинское происхожденіе послѣдней, между тѣмъ какъ другая (Ribezzo) не соглашается съ тѣмъ. Интересно въ связи съ этимъ споромъ сопоставить данные, извлекаемыя изъ семитическихъ (еврейскихъ) памятниковъ, подъ вліяніемъ которыхъ иные готовы выводить многое въ средневѣковомъ эпосѣ о животныхъ оттуда²⁾.

¹⁾ *Th. Wright*, A selection of latin stories, Lond. MDCCXLII, напечаталъ басни, заимствованныя по преимуществу изъ сборника *Odo de Cerinton*, англійскаго цистерціанскаго монаха конца XII в. Въ значительной своей части эти басни почерпнуты, по мнѣнію Wright'a (Introd., X), изъ Романа о Ренарѣ. Оказывается, что этотъ романъ былъ рано извѣстенъ въ Англіи. Знакомство съ этимъ романомъ видно изъ повѣствованія „Of the vox and of the wolf“, переведенного изъ *Roman'a de Renart* и сохранившагося въ Оксфордской рукописи, написанной не позже царствованія Эдуарда I (это повѣствованіе перепечатано Wright'омъ въ A selection на стр. xvi—xxvi Introduction). Та же исторія передана и въ латинской баснѣ, напечатанной подъ № lvii, которая, чтб весьма интересно, приближается къ редакціи, какую представляеть нѣмецкій изводъ романа о Лисѣ. Къ этому роману восходятъ и три басни, напечатанныя въ Appendix. См. еще замѣчаніе L. Roth'a (Philologus, I, 527): „Noch mehr mit fremdartigen elementen sind einige andere prosaische fabelsammlungen des mittelalters, die sich als Aesopische ankündigen, versetzt. So gehören viele der Fabulae Aesopi des cod. Bern. no. 679 dem französischen cyclus der Reinhart- und Isengrimfabel an. Nur erinnern will ich hier an die schon bekannten Helmstedter, Breslauer, Harlejaner u. a. fabel handschriften. Cp. Voretzsch,—Literaturbl. 1895, № 1, S. 18.“

²⁾ *S. Gelbhaus*, Ueber Stoffe altdeutscher Poesie, Berl. (1887), S. 26 ff.; Die Sage von Reineke Fuchs. Басни есть уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. См. *A. Wünsche*, Die Pflanzenfabel in der orientalischen und classischen Literatur—Beil. z. Allg. Zeitung, 1897, № 59.

Но, конечно, методъ изслѣдованія, отправляющейся отъ внимательнаго изученія старѣйшихъ литературныхъ пересказовъ, вѣренъ въ свое исходномъ пунктѣ; не говорю:—въ выводахъ. Изслѣдованіе народныхъ сказаний, какъ и вообще всѣхъ словесныхъ произведеній, должно начинаться съ разсмотрѣнія древнѣйшихъ изводовъ тѣхъ или иныхъ мотивовъ, легшихъ въ основу разсматриваемыхъ словесныхъ произведеній, а такую основу можно найти съ полной увѣренностью лишь въ письменности, и потому во второй половинѣ XIX-го в. совершенно правильно выдвинули на первое мѣсто литературную исторію повѣстей и сказокъ. Первымъ крупнымъ представителемъ такого направленія въ русской научной литературѣ явился А. Н. Пыпинъ въ статьяхъ о сказкѣ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г., и въ своей извѣстной монографіи „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ русскихъ повѣстей и сказокъ“. Вскорѣ послѣ выхода этой книги на необходимость „строить цѣлое зданіе науки о народныхъ сказкахъ“ на литературной ихъ исторіи указывалъ А. А. Котляревскій¹⁾.

Главный изъ нашихъ изслѣдователей эпоса о животныхъ, Колмачевскій въ вопросѣ о происхожденіи романо-германского литературнаго эпоса о Лисѣ послѣдовалъ тому же приему, присоединился къ мнѣнію Р. Paris'a и M\"ullenhoff'a и отвергъ „животную сагу“ Гrimма, между тѣмъ какъ для того нѣть достаточныхъ основаній, если принимать такъ наз. эпический periodъ²⁾). Колмачевскій допускать лишь животную сказку.

Стояцій теперь у насть во главѣ сравнительного изученія литература академикъ А. Н. Веселовскій выразилъ свое послѣднее мнѣніе по занимающему насть здѣсь вопросу³⁾, если не ошибаюсь, въ статьѣ по поводу теоріи Коскена о сказкахъ: „Что до равноправности животныхъ съ человѣкомъ, отразившейся въ сказкахъ мотивомъ помощныхъ, благодарныхъ звѣрей, то не отрицаю, что это воззрѣніе легло въ основу буддийской практики и міросозерцанія, я полагаю его болѣе древнимъ и общимъ, отвѣчающимъ извѣстной порѣ еще не дифференцированнаго человѣческаго сознанія. Я не

¹⁾ Спб. Вѣдомости 1864, № 108.

²⁾ Ср. въ Preussische Jahrbücher Bd. 80 (Juni 1895) статью: „Jacob Grimms Deutsche Thiersage und die moderne Forschung“ von C. Voretzsch.

³⁾ Ранѣе онъ помѣстилъ рецензію на книгу Колмачевскаго въ Literaturblatt f\"ur germanische und romanische Philologie 1883, № 8.

думаю, чтобы средневѣковой животный эпосъ быть чисто туземнаго происхождения, выросъ въ тѣни германскихъ лѣсовъ: въ немъ масса прилаго, даже школьного элемента; я допускаю въ животныхъ сказкахъ европейскихъ народовъ массу заимствованій и перенесеній, но это не измѣняетъ общей точки зрѣнія, что представление животнаго, какъ съ родни человѣку, въ дружбѣ или борьбѣ съ нимъ, не занесенное, а такъ сказать выросшее изъ почвы¹⁾). Какъ видно изъ этихъ словъ, г. Веселовскій въ вопросѣ о средневѣковомъ животномъ эпосѣ являлся сторонникомъ теоріи позднѣйшаго заимствованія и перехода сказаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ и т. наз. антропологической (этнологической) теоріи. Въ послѣднее время онъ, повидимому, рѣшительно склоняется къ ней, какъ то видно хотя бы изъ его этюда о былевомъ сюжетѣ боя отца съ сыномъ.

На отголоски отдаленнѣйшихъ ступеней быта въ эпосѣ, напр., — того, что называютъ каннибализмомъ, у насъ указывали еще задолго до Воеводскаго, напр. Буслаевъ.

Отвѣтъ въ томъ же направленіи врядъ ли можетъ быть данъ и на вопросѣ о происхождѣніи сказанія о борьбѣ Лиса съ волкомъ, но, конечно, главные герои этого сказанія первоначально могли являться въ народныхъ представлениихъ не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ оказались впослѣдствіи, и для исторіи постепенной выработки сюжетовъ эпоса о животныхъ весьма важно было бы уяснить эти начальные ступени ихъ развитія, относящіяся къ тому времени, когда вся природа казалась человѣку наполненною подобными ему живыми существами, когда первобытное человѣчество представляло себѣ животныхъ чѣмъ-то очень близкимъ и вмѣстѣ крайне таинственнымъ, и нерѣдко ихъ сила и инстинктивная дѣянія казались человѣку проникнутыми особымъ смысломъ. Освѣтить надлежаще эти первыя ступени представлений человѣка о животныхъ врядъ ли возможно помимо этнологического изученія, являющагося наиболѣшимъ подспорьемъ въ этомъ вопросѣ. Такое изученіе раскрыло въ настоящее время цѣлый рядъ весьма интересныхъ фактовъ, выясняющихъ первобытная вѣрованія гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ пресловутая сравнительная миѳология, создавшая теорію зооморфизма, которой придерживались наши миѳологи Аѳанасьевъ и другіе, а равно животную миѳологію, построенную М. Мюллеромъ и затѣмъ А. де-Губер-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1887, № 4, стр. 293; 1894, № 5, стр. 28.

натисомъ въ извѣстномъ трудѣ, остроумно осмѣянномъ въ свое время А. Н. Веселовскимъ¹⁾.

Отказываясь оть преждевременныхъ скороспѣлыхъ объясненій миѳологовъ, усматривавшихъ въ животныхъ образахъ древнихъ народныхъ вѣрованій изображеніе, или символику небесныхъ божествъ²⁾, этнологи сосредоточиваютъ вниманіе на первобытномъ антропоморфизмѣ и культе животныхъ независимо оть предположенія объ ихъ миѳологическомъ значеніи³⁾. Болѣе осторожные изъ этихъ изслѣдователей находятъ, что культь животныхъ досель остается невыясненною загадкой. Mc. Lennan, первый обратившій общее вниманіе на этотъ культь, печатно не пытался даже уяснить его. Занявши ся этимъ вопросомъ послѣ него выдвинули гипотезы, не вполнѣ удовлетворяющія пытливость, либо явно ошибочныя. Факты особаго почитанія животныхъ приводились въ связь съ одной изъ позшихъ формъ религіознаго культа, извѣстной подъ именемъ тотемизма. Такъ называютъ носящее религіозный характеръ почитаніе какого-нибудь животнаго въ качествѣ родоначальника и покровителя извѣстнаго племени. Указывали на тотемы, или животныя и растенія, преемственно и наследственно признаваемыя покровителями того или иного рода, колѣна людей. Нѣкоторые готовы признавать еще тотемы половъ и индивидуумовъ, но иные ученые не согласны примѣнять терминъ „тотемъ“

¹⁾ На нѣмецкомъ языке теорія De-Gubernatisа изложена въ книгѣ: *Die Thiere in der indischen Mythologie*, Leipzig. 1874. По мнѣнію Де-Губернатиса пѣтухъ есть символъ солнца, обращеніе пѣтухомъ въ бѣгство лисицы означаетъ изгнаніе ночной тьмы и т. п. У насъ говорилось объ „олицетвореніи небесныхъ свѣтиль въ видѣ волка: „сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловить“, или „пришелъ волкъ—весь народъ умолкъ“ и проч. (Ст. Будде о духовныхъ стихахъ). *Аванасьевъ*, Зооморфическая божества у Славянъ: птица, конь, быкъ, корова, змѣя и волкъ. О миѳическихъ волкахъ-волкодлакахъ см. у Тихонравова I, 335. См. далѣе *Н. Квашнина-Самарина*, Очеркъ славянской миѳологии—Бесѣда. 1872, № IV, стр. 244 (о святочныхъ медвѣдѣ и козѣ), 264 (о пасеніи Егоріемъ Храбрымъ волковъ); *Н. Ф. Сумцова*: „Жаба и лягушка въ народныхъ повѣстяхъ и сказкахъ“ 1896. Новѣйший этюдъ, примѣняющій подобныя теоріи: *J. F. Hewitt*, Mediaeval stories—въ The Westminster Review, January 1903 (о большой медвѣдицѣ, о Wolf-fire-god, Wolf-sun-god, sons of the Wolf and the Bear).

²⁾ См. статью *Grässle*, Die Symbolik der Thiere—въ сборникѣ: „Die Wissenschaften im neunzehnten Jahrhundert“, III. Bd., Leipzig. 1857, S. 515 fgde.

³⁾ A. Lang, Myths, cults and rel., замѣтилъ, что любовныя исторіи, въ которыхъ выступаютъ животныя, въ большинствѣ случаевъ могутъ быть изъяснены какъ переживанія тотемического вѣрованія въ животное происхожденіе человѣка.

къ этимъ двумъ разрядамъ покровительствующихъ животныхъ и растеній. Что до происхожденія тотемизма, то гипотезы Спенсера и лорда Averbury нѣсколько напоминали толкованія М. Мюллера. Frazer, въ сущности слѣдующій воззрѣніямъ Манигардта, объясняетъ тотемъ, какъ „soul-box“ (оболочка души) или life-token (эмблема жизни). Но такому объясненію противопоставляются выраженія съ точки зрѣнія Тейлора и другихъ, и въ послѣднемъ изданіи своего изслѣдованія „The Golden Bough“ Frazer не настаиваетъ на прежней теоріи. Wilken и Tylor придерживаются теоріи о древнихъ вѣро-ваніяхъ касательно переселенія душъ предковъ въ составляющія предметъ культа растенія и животныя, и эта теорія кажется нѣкоторымъ болѣе предпочтительной, потому что соединяетъ тотемизмъ съ анимизмомъ¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить еще теорію, которой придерживался Mc. Lennan, которую развилъ Inca Garcilasso de la Vega и къ которой присоединился Keane. По этой теоріи имена, заимствованныя людьми изъ названий растеній и животныхъ²⁾, были простыми отличительными прозвищами извѣстныхъ группъ населенія, были ли эти прозвища избираемы самою группою, или же

¹⁾ Взглядъ Тейлора кратко формулированъ такъ. Диляръ способенъ читть звѣрей прежде всего какъ таковыхъ, признавая ихъ одаренными силой, отвагой, хитростію, превосходящими его человѣческія качества, а также душой, живущей подобно человѣческой поэль смерти тѣла и могущей, какъ и при жизни, причинять зло либо добро. Потомъ эта мысль слилась съ понятіемъ о животномъ, какъ о существѣ, бывающемъ воплощеніемъ божества, видящаго, слышащаго и дѣйствующаго изъ отдаленія и даже поэль смерти тѣлесной оболочки, въ которую вселился божественный духъ.

²⁾ Теперь можно привести немало данныхъ, свидѣтельствующихъ о та-комъ обычая. Укажемъ на нѣкоторыя. Назовемъ прежде всего статью Robertson'a: Animal Worship and Animal Tribes among the Arabs and in the Old Testament—in the Journal of Philology, vol. IX, № 17 (1880). Въ ст. Ioanna Beniaminova: „Миѳологическія преданія Колошай, обитающихъ на сѣверо-за-падномъ берегу Америки“ (Сынъ Отеч. 1839, № 9), сообщалось, что Колоши раздѣляютъ себя и всѣхъ жителей Американскаго материка отъ Якутата до береговъ Альбіона на два главные рода. Одинъ называется *Вороній родъ*, или родъ Еля; другой *Волчій*, или родъ Капука, и оба эти рода дѣлятся на нѣ-сколько поколѣній, называющихся именемъ какого-нибудь звѣря, птицы, рыбы и другихъ животныхъ и т. д. Elton, Origins of English History, p. 300, указы-валъ и приводилъ въ связь съ тотемизмомъ у британскихъ кельтовъ наз-ванія клановъ, заимствованные отъ животныхъ. Объ арійскихъ личныхъ именахъ, въ составъ которыхъ входятъ названія животныхъ, см. въ статьѣ E. Mc. Clure: Early Welsh (in relation to other Aryan) personal names—in Archaeologia Cambrensis, fifth series, vol. VII (1890). Авторъ не согласенъ

надаваемы извѣсъ. Наклонность къ этой привычкѣ еще сказывается въ нѣкоторыхъ англійскихъ деревушкахъ, причемъ какая-нибудь деревушка убиваетъ животноесосѣдней путемъ нападенія, какъ было въ древнемъ Египтѣ. Разъ принято какое-нибудь прозвище по имени растенія или животнаго извѣстною группою людей или поселкомъ, съ теченіемъ времени не замедлять возникнуть мифологические домыслы о происходженіи этой группы людей и о магическихъ воздействиахъ предполагаемой связи между человѣкомъ, напр., носящимъ имя „мыши“, и обыкновенною мышью. Какая-нибудь группа дикарей не стала бы называть себя „пеструшками“ или „кенгуру“, потому что ихъ магія (какъ то видимъ въ центральной Австраліи) размножила эти породы животныхъ; эти люди желали бы, чтобы ихъ предполагали способными къ магической связи съ тѣми животными, потому что, нося имена послѣднихъ, они должны бы отличаться и ихъ природой. Кажется, наиболѣе содѣствовали уясненію культа животныхъ изслѣдованія, предпринятія Smithson'овскимъ Институтомъ и труды Howitt'a и Fison'a. Во всякомъ случаѣ, можно принять, что одною изъ главныхъ основъ этого культа является та вѣра въ духовъ, вселяющихся въ различные животныя, о которой говорить Тейлоръ¹⁾.

Теперь началось примѣненіе такой методы объясненія фольклора, выработанной этнологическою школою изслѣдователей, къ античнымъ вѣрованіямъ. Оно можетъ оказаться въ такой же мѣрѣ т. е. отчасти весьма полезнымъ для изслѣдователей исторіи животнаго эпоса на европейской территории, какъ и изученіе исторіи Эзопицкой басни.

Съ мнѣніемъ, что арійскія личныя имена давались по принципу тотемизма, какъ у Американскихъ индійцевъ, что семьи получали прозвища по имѣніи волка или ворона, потому что волкъ и воронъ были ихъ тотемомъ (см. р. 263). Точно также и V. Henry въ рецензіи на Schrader, *Realléxicon der Indogermanischen Altertumskunde* (Rev. critique, 1901, № 4) замѣтилъ, что „les totems et les tabous, respectivement, n'ont été historiquement constatés que dans une infime minorité de peuplades sauvages. En particulier chez les Indo-Européens, il n'y a pas une trace historique du totémisme“.

¹⁾ См. The Athenaeum 1901, № 3821 и Lud, VII (1901), ст. J. Witorfa: *Filozofia pierwotna. A. Lang, The Origin of Totem Names and Beliefs.—Discussion on Totem-Names. A. C. Haddon, G. L. Gomme, R. R. Marett: Folk-Lore. vol. XIII (1902, № 4).—E. Durkheim, L'Année sociologique, t. V, Par. 1900—1901. Рец.—Revue philosophique, Janvier, 1903.*

Но наиболѣе цѣнныхъ результатовъ, думаю, надо ожидать отъ примѣненія теоріи, къ которой авторъ настоящей статьи, подобно пѣкоторымъ другимъ ученымъ¹⁾, пришелъ много (27) лѣтъ назадъ и къ которой отчасти подошелъ въ 90-хъ годахъ XIX вѣка Bédier въ своеї извѣстной монографіи о Fabliaux.

Эта теорія, не устранивъ предыдущихъ, за которыми можетъ признавать долю вѣроятности въ отдѣльныхъ и частныхъ случаяхъ, усматриваетъ въ произведеніяхъ фольклора не переживанія только и окаменѣлости далекой, первобытной старины, но результатъ также непрерывнаго видоизмѣненія творчества въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ развитія. Она не выдаетъ преимущественной привилегіи на творчество лишь отдаленнымъ эпохамъ человѣческой исторіи, хотя бы и весьма богатымъ фантазіею и образностію языка, не усвояетъ монополіи художественнаго созиданія одиѣмъ какимъ-нибудь народностямъ, напр., арійскимъ, или одной какой-нибудь странѣ, напр., Индіи, а признаетъ участниками въ творчествѣ и распространеніи міровой литературы, какою является фольклористическая, даровитыхъ людей всего міра, разныхъ эпохъ и племенъ²⁾. При такой точкѣ зрењія нерѣдко придется отказываться отъ попытки разобраться въ вопросѣ, отъ кого что впервые вышло въ необъятномъ океанѣ фольклора, но можно будетъ выдѣлять пласти и наслоенія различныхъ эпохъ быта и культуры и различныхъ мѣстностей и открывать сказанія, стоящія особнякомъ³⁾.

Въ изслѣдованіи исторіи средневѣковаго эпоса о животныхъ наука находится пока лишь на полупути къ примѣненію этого метода.

¹⁾ См., напр., ст. G. Meyer'a: „Zur vergleichenden Literaturgeschichte“—Beil. zur Allgem. Zeitung, 1887, № 291, S. 4290: „...es mir nicht einfällt, die Benfey'sche Theorie ohne weiteres als für alle Märchen gültig anzusehen. An der Richtigkeit der Wanderungstheorie im allgemeinen hege ich keine Zweifel; aber ob thatsächlich Jndien die Wiege aller in Frage kommenden Märchen ist, gilt mir so lange nicht für ausgemacht, als nicht für jedes einzelne Märchen der Beweis erbracht ist“ и т. д.

²⁾ Не забудемъ, что смыщеніе народностей началось съ самыхъ отдаленныхъ временъ, и его открываютъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, почти у всѣхъ народовъ Европы, а равно съ незапамятныхъ временъ ведеть свое начало и международное общеніе во всевозможныхъ направленихъ.

³⁾ Таковы, напр., Аниамитскія сказанія о животныхъ, напечатанныя P. Cadiere'омъ въ „Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extrême Orient, 1902.“

Попытку выделенія различныхъ пластовъ въ нѣсколькихъ сказкахъ о животныхъ предпринялъ К. Krohn въ своей диссертациіи о медвѣдѣ и лисѣ¹⁾, послѣ которой напечатать еще три этюда о человѣкѣ, лисѣ, медвѣдѣ и собакахъ²⁾. Этюды его являются дальнѣйшою разработкою вопроса, поднятаго Колмачевскимъ (стр. 114 и слѣд.) о происхожденіи этой группы животныхъ сказокъ изъ басеной литературы. А. Н. Веселовскій въ рецензіи на книгу Колмачевскаго указалъ уже, что въ этой группѣ сказокъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, имѣющихъ отношеніе къ роману о Ренарѣ, мы имѣемъ эпосы меньшаго размѣра, или циклы, и врядъ ли такая связь возникла впервые на почвѣ романа и оттуда лишь проникла въ область сказокъ. Работа Крона какъ бы подтверждаетъ взглядъ А. Н. Веселовскаго, заключающій важную поправку къ труду Колмачевскаго³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ книжки финляндскаго ученаго цѣнны указаніями на самостоятельное значеніе финскихъ изводовъ разсмотрѣнныхъ имъ цикловъ животныхъ сказокъ, и непрасно G. Paris отрицать эту заслугу Крона⁴⁾.

Во Франціи началъ противодѣйствіе теоріи заимствованія H. Carnoy въ своей книгѣ: *Les Contes d'Animaux dans les Romans du Renard*, Par. 1889⁵⁾. Опять стоитъ за то, что основу романа о Renardѣ составили народныя животныя сказки, а позднѣе литераторы превратили романъ въ аллегорическую сатиру времени.

¹⁾) Bär (Wolf) und Fuchs, eine nordische Thiermärchenkette—въ Journal de la Société Finno-ougrienne, VI—Ins Deutsche übersetzt v. O. Hackmann.

²⁾) K. Krohn, Mann und Fuchs. Drei vergleichende Märchenstudien. Helsingfors. 1891.

³⁾) Cp. Literaturbl. f. germ. u. rom. Phil. 1883, № 8, S. 324—325 и Krohn'a Mann u. Fuchs, S. 66—67. Кронъ не принялъ во вниманіе еще варианта, помѣщенаго В. Ф. Миллеромъ въ „Осетинскихъ этюдахъ“, выш. III, 176—177: „Человѣкъ и лиса“.

⁴⁾) По словамъ Langlois, Krit. Jahresber. II, 103, M. Paris discute et repousse le systѣme de ceux qui, considérant l'ours comme ayant été, avant le loup, antagoniste du goupil, et constatant qu'en Scandinavie l'ours tient dans les contes la place du loup conlueut à l'origine nordique du cycle animal.

⁵⁾) Collection internationale de la „Tradition“, t. I.—Ранѣе вышла книжка E. Hins, La Russie dévoilée au moyen de sa littérature populaire. L'épopée animale (у меня подъ руками имѣется deuxi me édition, Par. 1883), гдѣ высказана мысль, что Roman du Renard представляетъ „un reste d'une oeuvre plus complète et o u entraient encore beaucoup d'autres r cits qui existent maintenant s par ement“ (p. 15—16).—Отзывъ о книгѣ Carnoy (довольно строгий) см. въ Literaturblatt f r germ. u. romanische Philologie, 1890, № 1.

Также и Sudre въ болѣе обстоятельной и научной книгѣ: *Les sources du Roman de Renart*, Par. 1893¹⁾, подвергъ изслѣдованию вопросъ объ источникахъ различныхъ эпизодовъ романа о Ренарѣ. По мнѣнію Sudre'a, это произведеніе не есть „животная эпоха“ германскаго происхожденія, какъ утверждалъ Я. Гриммъ, и не есть также, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ частяхъ, простое средневѣковое развитіе Эзопическихъ басенъ, переданныхъ Западу школою, какъ думалъ P. Paris, а сложено преимущественно изъ животныхъ сказокъ. Sudre проводитъ мысль, что разсказы романа о Ренарѣ основаны главнымъ образомъ на „животныхъ сказкахъ“ различного происхожденія, заимствованныхъ изъ общаго запаса народной словесности (*folklore*) и дошедшихъ до французскихъ труверовъ путемъ устной передачи, а не изъ греко-восточныхъ басенъ, хотя послѣднія также оказали воздействиѣ. Эти животныя сказки, изъ которыхъ сложился романъ о Ренарѣ, предназначались просто для забавы и были переложены въ стихи жонглерами въ разное время; онѣ и теперь еще встречаются въ преданіи европейскихъ народовъ. Значительная часть ихъ, повидимому,—скандинавскаго или, по крайней мѣрѣ, сѣвернаго происхожденія.

На основную мысль своего труда Sudre былъ наведенъ (см. р. 1) соотвѣтственнымъ мнѣніемъ своего учителя, Гастона Париса, который затѣмъ въ своемъ весьма содержательномъ разборѣ книги Sudre'a, помѣщенному въ *Journal des Savants*, въ общемъ принялъ тезисъ молодого ученаго, бывшій и его собственнымъ, и представилъ нѣсколько поправокъ и дополненій въ частностяхъ.

Средневѣковой эпосъ о животныхъ сталъ въ *Roman de Renard* настоящею эпопеей, по мнѣнію G. Paris'a, благодаря тому, что животныя получили имена людей, обозначающія не индивидуумы каж-

¹⁾ Отзывы о книгѣ Sudre'a см. въ томъ же *Literaturblatt*, 1895, № 1 (Vorletsch'a), въ *Literarisches Centralblatt*, 1893, (S. 1394: Förster'a), въ *Revue des traditions populaires*, Octobre 1894, въ *Mélusine* t. VI, № 11 (Septembre-Octobre 1893) и въ *Romania* XXII (1893), № 86, p. 339, где находимъ такую оцѣнку: „une science très sûre est dirigée par une critique pénétrante et exposée avec beaucoup de clarté, fournit aux recherches une base qu'on ne faisait guère jusqu'à présent due soupçonner et présente toutes les questions sous un jour nouveau“. Новѣйшую формулировку взгляда Sudre'a см. въ его статьѣ: „Les fables et le roman du Renard“, помѣщенной въ началѣ II-го тома „*Histoire de la Langue et de la Littérature françoise des Origines à 1900*, publ. sous la direction de L. Petit de Julleville“, pp. 1—56.

дой породы, а самый типъ ея, и удѣляющія каждому животному опредѣленный обликъ въ животномъ мірѣ, представленномъ на подобіе человѣческаго. Наряду съ этими именами, характерною особенностью Романа о Лисѣ является усвоеніе первенствующей роли лисѣ и волку, поставленіе ихъ въ родственныя и вмѣстѣ во враждебныя отношенія. Такова основная рамка знаменитаго средневѣковаго эпоса. Она была наполнена двоякимъ материаломъ, заимствованнымъ изъ народныхъ сказокъ и изъ басенъ греко-восточныхъ; и тѣ и другія дошли до поэтовъ животнаго эпоса путемъ устнаго преданія.

Нѣкоторые признаютъ высокія достоинства за этой небольшой монографіей¹⁾, но, кажется, она не заслуживаетъ такихъ похвалъ. Г. Парисъ отступилъ въ ней отъ свойственной ему обычной осторожности и допустилъ рядъ не вполнѣ обоснованныхъ домысловъ и настажекъ, чтобы доказать, между проч., вопреки нѣмецкимъ ученымъ, тезисъ о французскомъ происхожденіи средневѣковаго повѣствованія о Лисѣ, между тѣмъ какъ признано, что вообще эпическимъ даромъ отличались въ средніе вѣка преимущественно германцы, и они-то пробудили и въ романцахъ интересъ къ эпосу. Самъ Г. Парисъ признаетъ, что всѣ имена, входившія въ древнѣйшіе изводы животной эпопеи,—германскаго корня, но думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что одни изъ этихъ именъ были въ ходу во всей Франціи, а другія лишь въ одной ея области—Лотарингіи, и эту послѣднюю отъ Saint-Gall'я до Gand'a Г. Парисъ считаетъ родиною животной эпопеи, возникшей около X-го столѣтія въ литературѣ клерковъ.

Какъ можно усмотрѣть изъ этого изложенія, G. Paris и Sudre спили мнѣнія: 1) о чисто литературномъ происхожденіи средневѣковаго животнаго эпоса и 2) объ основѣ послѣдняго въ „животныхъ сказкахъ“, другими словами представили примѣненіе къ роману о Ренарѣ, дальнѣйшее обоснованіе и развитіе взгляда, кѣторый бытъ за десять лѣтъ до Сюдра отчетливо выраженъ Колмачевскимъ²⁾.

¹⁾ Langlois говоритьъ въ Krit. Jahresbericht, IV: „Malgr  son petit volume, ce m moire est l'un des plus riches en id es neuves et f condes qui aient  t  publi s sur les origines de l' pop e animale, depuis que cette passionnante question occupe l'attention des  rudits. On peut justement lui appliquer ce que l'auteur dit du livre de M. Sudre: il marquera une date importante dans l'histo re posthume du Roman de Renard: il cl t une  poque et il en ouvre une autre“.

²⁾ Въ предисловіи къ своей книгѣ Sudre выражаетъ благодарность м. проч. г-ну L ger: dont les pr cieuses le ons m'ont permis de me familiariser avec

Изложениемъ этой гипотезы мы можемъ закончить обзоръ мнѣній о происхожденіи средневѣковаго животнаго эпоса, опирающихся на тѣ или иные домыслы о фольклорѣ, и намъ остается теперь обратиться къ приврѣкѣ и установлению значенія и сравнительного достоинства основныхъ теорій касательно фольклора путемъ примѣненія ихъ къ разбору основы средневѣковаго эпоса о Лисѣ.

IV.

Изъ представленной исторіи изученія эпоса о Лисѣ и волкѣ ясно, что передъ изслѣдователями средневѣковаго эпоса о животныхъ постоянно выникали съ 30-хъ годовъ XIX вѣка вопросы: возникъ ли тотъ эпосъ изъ индо-европейской животной саги, или же изъ басенъ, унаследованныхъ средними вѣками отъ древняго міра; сложился ли онъ по преимуществу изъ „животныхъ сказокъ“, составляющихъ международное достояніе, или же онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ сочетанію тѣхъ и другихъ источниковъ?

На послѣдніе вопросы теперь обыкновенно отвѣчаютъ утверждительно послѣдователи теоріи общенія въ историческое время (литературнаго по преимуществу вліянія на распространеніе сказаний), а равно современные фольклористы антропологической школы, стоящіе за большую самобытность народныхъ сказаний, чѣмъ та, какую допускаютъ первые.

Несомнѣнно, что античное вліяніе на средневѣковую культуру было значительно. Въ средніе вѣка уцѣлѣла даже переданная Плутархомъ пословица: „гдѣ не можетъ помочь шкура льва, тамъ нужно къ ней пришить кусочекъ отъ шкуры лисицы“¹⁾. Въ нашемъ вопросѣ надлежитъ сдѣлать уступку теоріи литературнаго заимствованія, признавъ, что античное преданіе рано сообщилось германскимъ племенамъ, разработавшимъ эпически исторію борьбы волка и лисы. Уже L. Roth въ статьѣ, написанной за нѣсколько десятилѣтій до выхода въ свѣтъ монографіи Hervieu о латинскихъ баснописцахъ, отмѣчая вскользъ значеніе вопроса о средневѣковыхъ латинскихъ собраніяхъ басенъ, между проч., и для выясненія сте-

certaines ouvrages russes que je ne pouvais laisser de côte, sous peine d'avoir une connaissance incomplète de mon sujet. См. затѣмъ р. 18.

¹⁾ Слѣды этой поговорки усматриваются въ нѣкоторыхъ гербахъ, на которыхъ изображены львы съ хвостами лисицы. Пословицу эту цитируетъ Монтэнъ.

пени самостоятельности „франкского животного эпоса (Reinardus et Isengrimus XII в. и слѣд.)“, пришель къ выводу, что въ Галліи особая любовь къ античной животной баснѣ усматривается уже въ самое раннее время средневѣковья¹⁾). Послѣдующія разысканія под-крѣпили этотъ выводъ²⁾, и въ настоящее время нельзя не признать пѣкоторой доли участія Эзопическихъ басенъ въ возникновеніи средневѣковаго литературнаго эпоса о Лисѣ.

Басня Эзопа о больномъ львѣ, недугъ котораго лиса задумала уврачевать шкурю, содранною съ волка, изложенная въ стихахъ однимъ изъ придворныхъ Карла В. въ VIII-мъ стол.³⁾, послужила два вѣка спустя рамкою для древнѣйшаго изъ произведеній латинской средневѣковой эпики о животныхъ, именно для „Ecbasis cuiusdam captivi per tropologiam.“ Авторъ этого произведенія могъ встрѣтить упоминаніе о той баснѣ уже у излюбленнаго имъ Гораций, на что указалъ Bursian⁴⁾. Во всякомъ случаѣ около этой исторіи, говорить, кристаллизовались другія фабулы животнаго эпоса, вошедшія въ сложившійся окончательно въ послѣдующіе два вѣка эпосъ о Лисѣ.

Въ этотъ эпосъ вошло кое-что и изъ „Физиолога“⁵⁾, столь распространеннаго не только на востокѣ Европы, но и на средневѣ-

¹⁾ Die mittelalterlichen sammlungen lateinischer thierfabeln—Philologus I, 544: ...wir schon im fruhsten mittelalter eine besondere vorliebe fur die thierfabel in Gallien anerkennen mussen... Die fruhste sammlung lateinischer prosafabeln, zu deren annahme die vorliegenden beweismittel uns berechtigen, wahrscheinlich nur Aesopus betitelt, scheint im 6 jahrh. entstanden zu sein.

²⁾ Первымъ слѣдомъ проникновенія античной, Эзопической басни къ франкамъ считаются басни о лисѣ, львѣ и оленѣ. Эта древнѣйшая германская басня, приведенная въ хроникѣ Фредегара, возводится къ Эзопической баснѣ (уже здѣсь королемъ звѣрей является не пѣмецкій медвѣдь, а чужеземный левъ) о лисѣ, ворующей сердце растерзаннаго львомъ оленя (объ этой баснѣ см. Hartmann, Zeitschr. d. Ver. fur Volkskunde, 5, 63 и 6, 153; Liebrecht, Germania IV, 372, fgde). Думаютъ, что въ Германію эта басня проникла изъ Италіи, потому что у Фредегара она пріурочена къ одной подробности готской героической саги,—проникла путемъ устной передачи. См. Reissenberger, Reinhart Fuchs, 6—7.

³⁾ Dummelius усвояль это стихотвореніе Павлу Діакону. Ср. Ebert, II, 54. Интересно, что по этому стихотворенію шкуру снимаютъ съ медвѣдя. Самый ранній слѣдъ этой басни находять у архіепископа Бенедикта Миланскаго.

⁴⁾ См. цитов. статью Classische Studien im Mittelalter, S. 472.

⁵⁾ О вліяніи Физиолога на эпосъ о Лисѣ см. краткое замѣчаніе въ рецензіи E. Voigta на Geschichte des Physiologus von Fr. Lauchert—въ Zeitschr. fur deutsche Philologie, XXII, Heft II.

ковомъ Западѣ¹⁾. Имѣть эпосъ о Лисѣ точки соприкосновенія и съ такими произведеніями, какъ *Disciplina clericalis*²⁾, *Directorium*.

Таковы письменные источники эпоса о лисѣ и волкѣ. Непосредственные устные, говорять, заключались въ международномъ запасѣ бродячихъ анекдотовъ.

Дѣйствительно, разсказъ о томъ, какъ священникъ и волкъ попали въ одну и ту же яму, обработанный уже въ стихотвореніи „*Sacerdos et Lupus*“, вошелъ и въ романъ о Лисѣ. Основанъ онъ былъ, вѣроятно, на анекдотѣ, обращавшемся въ народѣ³⁾. И. т. д.

Но въ теоріяхъ, объясняющихъ происхожденіе средневѣковаго эпоса о волкѣ и лисѣ только этими двумя разрядами источниковъ, можно усматривать лишь нѣкоторую долю вѣроятности, а въ общемъ надлежитъ всегда за нѣкоторыми нѣмецкими учеными⁴⁾ возвратиться къ старой гипотезѣ Я. Гримма,—конечно, значительно видоизмѣнивъ ее и допустивъ долю истины и въ новѣйшихъ гипотезахъ.

Очертанія, въ которыхъ предстаетъ средневѣковый эпосъ о Лисѣ, слагались искони, между проч., и на востокѣ⁵⁾,

¹⁾ Физіологъ проникъ даже въ исландскую литературу. См. *Physiologus i to islandske bearbejdelse*. Udgivet med indledning og oplysningen af V. Dahlerup, Kjobenh. 1889.

²⁾ См., напр., *Ward*, II, 240.

³⁾ Ср. выше и *Grundr. d. Germ. Philol.*, II, I-te Liefer., 136.

⁴⁾ K. Reissenberger, такъ ратовавшій во введеніи къ *Reinhart Fuchs* противъ теоріи Я. Гримма, въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ: „Zum armenischen Märchen „Der Fuchs und der Sperling“, Bielitz 1895 (Programm der k.k. Staats-Oberrealschule in Bielitz, XIX Jahrg.), S. 9 говоритъ, ссылаясь, на незадолго передъ тѣмъ явившуюся статью Voretzsch'a: „Jacob Grimms Deutsche Thiersage und die moderne Forschung“: „In Deutschland, insbesondere am Rhein, muss der Stoff unseres Märchens bereits in früher Zeit, nach meinem Dafürhalten schon im 12. Jahrhundert, heimisch gewesen sein und zwar in einer vollständigeren Gestalt, als sie des *hundes nöt* bietet. Das lassen die späteren deutschen Märchen und der Roman de Renart des benachbarten französischen Sprachgebietes vermuten. Am Rhein müssen wir um jene Zeit auch die Abenteuer der „Thiersage“ als bekannt voraussetzen“.

⁵⁾ Въ одномъ египетскомъ сатирическомъ папирусе XIII-го в. есть карикатура на короля Рамзеса III, въ основѣ которой можно усматривать аллѣгорически обработанную животную басню. Король представленъ въ видѣ яростнаго льва, играющаго въ шахматы съ боязливою антилопой. Легко угадать, кто выигрываетъ. См. *Fuchs, Die Karikatur*, Berl. 1901. „Mit Vergnügen, говорить нѣмецкій рецензентъ, sehen wir hier schon die Motive verwerhet, die später bei uns das Thiermärchen des Mittelalters so reich ausgestaltet hat“.—

и въ теченіе многихъ вѣковъ постепенно возникли народныя сказанія, опиравшіяся на народную животную сагу и составившія главную основу послѣдующихъ большихъ поэмъ.

Намъ кажется, что въ основѣ средневѣковаго эпоса о Лисѣ должно предположить не только одни литературныя сказанія, доходившія до авторовъ средневѣковыхъ поэмъ какъ въ письменной, такъ и въ устной передачѣ, и не только животныя сказки, либо тѣ и другія вмѣстѣ; средневѣковой эпосъ имѣть основу и въ древне-народной сагѣ, отличавшейся болѣе или менѣе оригинальнымъ характеромъ и внутреннею связностью.

Колмачевскій¹⁾ допускалъ самостоятельную *переработку заимствованныхъ темъ*, при которой народныя сказки какъ бы получаютъ оригинальный видъ, но думалъ, что это могло произойти въ позднѣйшее время. Можно спросить, однако, почему же не могло этого быть во время болѣе древнее? Сверхъ того первѣдко въ видоизмѣненіяхъ различныхъ сказаній подробности получаютъ особое значеніе²⁾.

Несмотря на значительную книжную примѣсь въ романѣ о Лисѣ, на которую издавна уже обращали вниманіе³⁾, остается въ силѣ, кажется намъ, предсмертное замѣчаніе Я. Гrimма, высказанное имъ въ статьѣ, напечатанной въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* 2 сентября 1863 г.⁴⁾: „Германскій животный эпостъ носить въ себѣ простодушную стихію, которая—при чужой и отдаленной основѣ—неминуемо должна была стереться“. Еще болѣе вѣско замѣчаніе Тоблера о томъ, что выработка средневѣковаго эпоса о животныхъ

На одной изъ Ниневийскихъ таблетокъ говорится о процессѣ лисы передъ божествомъ. См. *Mélusine*, t. VI, № 11, Septembre-Octobre, 1893, p. 262. Въ теченіе многовѣковаго развитія поэзіи различныхъ странъ вырабатывались аналогичные приемы повѣствованія. Такъ, въ средневѣковыхъ греческихъ книгахъ о рыбахъ (*ψυχροὶ ἀρτοὶ*) и о плодахъ (*παραχολόγοις*) изображаются процессы передъ царемъ, напоминающіе процессъ Рейнеке передъ королемъ львомъ. См. ст. *K. Krumbacher* въ *Sitzungsberichte der philos.-philol. u. d. hist. Klasse der bayerischen Akad. der Wissenschaften* 1903, Heft. 3.

¹⁾ Животный эпостъ на западѣ и у славянъ, стр. 170.

²⁾ См. замѣчаніе *Воеводскаго*, О занятіяхъ по критикѣ и миѳологии гомировскаго эпоса, Од. 1880, стр. 79. Колмачевскій обратилъ было вниманіе на это замѣчаніе въ своей рецензіи на книжку *Воеводскаго*.

³⁾ *Grässer*, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, 1842, 291.

⁴⁾ Перепечатана эта статья въ *J. Grimm Kl. Schriften*, V.

изъ книжныхъ сказаний въ позднѣйшее время немыслима: „положимъ, говорить онъ¹⁾, что множество отдѣльныхъ мотивовъ въ исторіи животныхъ вышло изъ эпической части античной басни; что изъ того? Такимъ происхожденiemъ никогда нельзя изъяснить особенность связного цикла животныхъ исторій съ эпическимъ, почти драматическимъ движениемъ: ни эпический составъ басенъ не достаточенъ для объясненія эпического цѣлаго животной саги, ни скучной дидактической тенденціи басни не хватить для объясненія юмора, проникающаго цѣлое; недостаетъ, такимъ образомъ, главнаго—„духовной связи“.

Эти замѣчанія наводятъ на мысль о сопоставленіи средневѣковаго эпоса о Лисѣ съ германскимъ былевымъ эпосомъ: въ послѣднемъ также указываютъ много заимствованныхъ и бродячихъ сказаний, постепенно слившіхся въ одно цѣлое въ горнилѣ народнаго творчества, и однакожъ тѣмъ не устраивается національность и извѣстная самобытность эпоса.

Многое указываетъ на то, что въ средневѣковой Европѣ до возникновенія романа о Лисѣ существовалъ чисто народный эпосъ о послѣднемъ, пріобрѣтшій національную окраску подобно тогданему былевому эпосу.

Упомянемъ прежде всего обѣ указаніяхъ Вакернагеля и Тоблера на національную идею, проникающую животную сагу. Общее направление послѣдней носить своеобразный національный отпечатокъ. Въ то время, какъ героическая сага выдвигаетъ въ судьбахъ Зигфрида и Кримгильды гибель божественнаго героя отъ непріязненной темной силы и месть, вынуженную изъ любви къ нему и вѣрности, и, такимъ образомъ, глубоко трагична, германская (въ частности франкская) животная сага выставляетъ такія же отношенія и события, но только—съ комической точки зрѣнія. Германская сага противополагаетъ сильнаго, которому собственная его глупость обращаетъ всякое его дѣяніе въ непріятность,—слабому, который благодаря своему уму успѣваетъ обратить всякую невзгоду въ пользу себѣ и направить ее ко вреду и гибели угрожавшаго сильнѣйшаго. Если бы дѣло шло только о судьбахъ волка, то разсказъ имѣлъ бы трагический смыслъ, но прибавка Лиса, способы его дѣйствованія и характеръ изображенія этихъ дѣйствій его при-

¹⁾ Zeitschrift fr deutsche Philologie, VI, (1875).

ближаютъ животную сагу скрѣ къ комицѣ,—конечно, весьма горькой, такой, которая коренится въ безутычно ироническомъ взглѣдѣ на міръ¹⁾. Такимъ образомъ, средневѣковой животный эпосъ предстаетъ комическо-ироническое противоположеніе героической сагѣ, изображая триумфъ хитрости надъ одною силой²⁾. Подобный смыслъ животнаго эпоса имѣлъ глубокое жизненное, бытовое значеніе; имъ оттѣнялась борьба ума съ грубою силой. Насколько народно міровоззрѣніе, выражющееся въ произведеніяхъ о Лисѣ, видно изъ того, что такимъ же характеромъ проникнуты и рассказы о Тиллѣ Эйленшпигелѣ³⁾. У насъ хитрость прославила лѣтопись вслѣдъ за народными сказаніями въ эпическихъ образахъ Олега (въ послѣднемъ ее оттѣняютъ и былины) и Ольги.

Французскіе ученые, Сюдръ и Г. Парисъ, ссылаясь на одно выраженіе въ началѣ XVI-й бранши романа о Ренарѣ, смотрѣть на послѣдній не какъ на произведеніе основательно сатирическое, а какъ на пародію, возбуждающую смѣхъ, какъ на забаву духа (*une risée et un gabet de Renart*⁴⁾; есть въ немъ извѣстная общая сатира, но она де не направлена специально противъ того или иного класса людей, отрѣшена отъ жесткости и вызываетъ лишь улыбку, а не ненависть и негодованіе. Только въ XIII в. животныя сказки мало по малу стали орудіемъ настоящей сатиры⁵⁾.

Конечно, французскіе авторы браншей, изъ которыхъ состоялся *„Roman de Renart“*, называли свое произведеніе *„Le conte“*, и *„Couronnement de Renart“* отличается отъ *„Roman de Renart“*, но памъ все-таки кажется, что французскій ученый слишкомъ съузилъ смыслъ древнѣйшаго связнаго повѣствованія о Ренарѣ. Онъ самъ выразился на слѣдующей страницѣ своего этюда, что средневѣковой животный эпосъ былъ своего рода *éporée féodale*. Нѣмецкіе ученые, нами названные, оказались ближе къ истинѣ въ толкова-

¹⁾ W. Wackernagel, Kleinere Schriften, II, 251—253.

²⁾ Tobler, Zeitschr. f. d. Phil., VI, 370.

³⁾ M. Müller, Essays, II, 91.

⁴⁾ Le Roman de Renart, publ. par Martin, II, p. 155. Ср. Ib., I, 146:

Or me convient tel chose dire
Dont je vos puisse fere rire...
Or dirai, ne me voil plus tere,
Une branche et un sol gabet...

⁵⁾ G. Paris, 4.

ніи замысла этого произведения, хотя и они не совсѣмъ правы. Сатиризмъ, конечно, болѣе безобидный, былъ изначала присущъ сказанію о Лисѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ нашелъ главный интересъ разматриваемаго произведения Гёте. Этотъ великий поэтъ помѣстилъ въ качествѣ эпиграфа къ своей обработкѣ средневѣковаго сказания дистихъ, смыслъ котораго тотъ, что повѣствованіе романа о Лисѣ—повседневная исторія человѣческой жизни... Но при томъ не надо забывать, что эта исторія предстаетъ въ очертааніяхъ средневѣковой эпохи со своеобразными чертами послѣдней.

Въ противовѣсь указаніямъ на отношеніе средневѣковаго повѣствованія о Ренарѣ къ тогдашнему эпосу важнаго характера Колмачевскій объяснялъ иначе пространное развитіе литературнаго средневѣковаго животнаго эпоса.

Дѣйствительно, въ средневѣковой литературѣ есть пѣсколько примѣровъ чрезвычайно широкаго и грандіознаго развитія поэтическихъ замысловъ, первоначально бывшихъ довольно узкими. Точно также *литературная обработка* существенно вліяла на развитіе большихъ сказаний о Лисѣ, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы животный эпосъ не существовалъ въ болѣе или менѣе связномъ видѣ уже въ предшествовавшей народной передачѣ. Вѣдь и въ чисто народномъ эпосѣ не разъ обнаруживается наклонность къ сведенію воедино тѣхъ или иныхъ отдельныхъ мотивовъ. Существуютъ сводныя сказки, у насъ имѣются сводныя былины. „Уже въ языкѣ обыденной жизни, говорить Jonek bloet¹⁾, замѣчалась наклонность соединять на лицо бывшія исторіи о волкѣ и лисѣ въ одно цѣлое“.

Помимо общихъ признаковъ, роднящихъ средневѣковое сказание о Лисѣ съ народнымъ эпосомъ вообще, въ первомъ есть еще такія частности, которые указываютъ на значительную его оригинальность и независимость отъ восточно-антинчаго вліянія, хотя бы дошедшаго путемъ устной передачи. Разумѣю поставленіе волка и лиса въ ближайшее соотношеніе (борьбу).

Говорить, что основная фабула средневѣковаго животнаго эпоса взята изъ Индіи, гдѣ взамѣнъ медвѣдя и лиса выступали

¹⁾ Geschichte der niederländischen Literatur, I, 134.—Повидимому, эпизодъ о гибели волка благодаря хитрству лисы, научившей его, какъ ловить хвостомъ рыбу,—центральный; къ нему пристали остальные. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 7, стр. 168.

левъ и шакаль. „Шакаль на западѣ бытъ совершенно замѣненъ лисомъ, а левъ только по мѣстамъ уступилъ мѣсто медвѣду. Въ Индіи могли наблюдать, какъ шакаль выступалъ въ качествѣ прислужника за львомъ и питался остатками его добычи; тамъ могли также обратить его въ совѣтника и ministra царя льва и измыслить шутки, въ которыхъ слабѣйшій, но проворный слуга беретъ иногда верхъ надъ сильнымъ, но простоватымъ господиномъ. Въ Индіи же любили давать моральный оттѣнокъ исторіямъ животныхъ“¹⁾.

Дѣйствительно, въ индійскомъ эпосѣ, въ Панчантантрѣ и Гитопадѣсь шакаль, заступающій мѣсто нашего лиса²⁾, также играетъ видную роль, но тамъ совершенно отступили на задній планъ волкъ и соревнованіе и вражда между обоими звѣрями; гдѣ называется и вводится въ дѣйствіе волкъ, тамъ онъ является безъ отношенія къ лису. Въ Эзопическихъ басняхъ волкъ и лисъ поставлены въ болѣе близкое и враждебное соотношеніе³⁾, но это не оказываетъ существенаго вліянія на развитіе дѣйствія въ басняхъ. Лиса безъ волка выступаетъ въ баснѣ у Фемистія (IV в.), гдѣ, по Панчантантрѣ, при волахъ выступали шакалы, а у Бабрія и у Авіана вовсе нѣть лисы. Въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ заимствованныхъ басняхъ также оказывается волкъ безъ лисы и обратно⁴⁾. Волкъ и лисъ, или шакаль,—излюбленные герои и въ баснѣ, но тамъ впереди стоитъ лисъ, шакаль, и это даже естественно, потому что имъ, искони славившимся хитростю, приличнѣе влагать въ уста слова мудрости. Въ средневѣковомъ же эпосѣ волкъ, котораго потомъ лисъ оставлялъ постоянно въ тѣни, занималъ весьма видное положеніе: его судьбу и дѣянія изображали: разсказъ у Фредегара, „Ecbasis captivi“, „Sacerdos et lupus“, „Alveradae asina“, „Luparius“,

¹⁾ G. Meyer, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, Berl. 1885, S. 225. Ср. однако Marchianò o. с., pp. 117—118 e 156.

²⁾ Такъ же и въ готтентотскихъ сказкахъ и въ сказаніяхъ негровъ Борну.

³⁾ Ср. у G. Paris, p. 30: leur hostilité est déjà indiquée... Можно бы дополнить количество сравнительного материала позднѣйшими данными. См., напр., въ L'Athenaeum belge, № 10, 15 mai 1880, Notes et études: les romans du Renard, гдѣ Ch. Piot обращаетъ вниманіе на статью de Goeje o Ibn-al-Djauzi о введеніи въ одно изъ сочиненій послѣдняго, содержащемъ басню въ которой выступаютъ волкъ и лисъ.

⁴⁾ J. Grimm, Klein. Schriften, V, 459.

„Ysengrimus“, „Reinardus“, вообще вся латинская животная эпика. Лисъ являлся действительнымъ участникомъ въ его приключенияхъ, но то не было участіе исключительное¹⁾.

Колмачевскій и другіе изслѣдователи не отрицаютъ, что на Западѣ развились пѣкоторые *самостоятельные* мотивы въ занимающихъ насъ сказаніяхъ. Колмачевскій признавалъ, что, изучая средневѣковой романо-германскій животный эпосъ, должно останавливаться кромѣ книжныхъ, литературныхъ сказаний, привозившихъ во франко-германскій эпосъ, еще на народныхъ сказаніяхъ. Г. Парисъ²⁾ также принялъ два главныхъ источника для того эпоса: народныя сказки о животныхъ и греко-восточныя басни. Элементъ религіозный и сатирический совсѣмъ слабъ, по его мнѣнію, въ романѣ о Ренарѣ.

Но весь вопросъ въ томъ, гдѣ усматривать исходный пунктъ средневѣковаго животнаго эпоса, и что въ немъ перевѣшивало? Какое міровоззрѣніе преобладало, народное ли, или же книжное, бывшее въ ходу въ средѣ людей церкви и школы?

На нашъ взглядъ теперь впадаютъ въ нѣкоторую крайность, склоняясь къ удѣленію преимущественнаго значенія церковной средѣ, изъ которой вышли древнѣйшіе дошедшия до наст. цѣльные письменные памятники средневѣковыхъ сказаний о животныхъ.

Разумѣется, животный міръ издревле занималъ видное мѣсто въ церковной письменности и искусствѣ. То было явленіе, коренившееся въ глубокой древности³⁾. Въ латинскомъ текстѣ книги Бытія читали: „Beniamin *lupus* тарах тане comedet praedam et vespera dividet spolia“. Образъ волковъ примѣняли къ монахамъ⁴⁾. Вообще символизмъ, пріуроченный къ животному міру, занималъ видное мѣсто въ средневѣковомъ религіозномъ міросозерцаніи и въ поэзіи. Кромѣ старой басни, пріучало усматривать въ звѣряхъ олицетвореніе того или иного морального качества аллегорическо-мистическое истолкованіе, входившее въ средневѣковую баснословную естественную исторію. Тотъ же животный символизмъ былъ

¹⁾ Wackernagel, 270—271.

²⁾ P. 32.

³⁾ Вѣдь уже на древнемъ востокѣ „der Tierkreis ist das Buch der Offenbarung, die Sternbilder sind der Kommentar“. См. A. Jeremias, Das alte Testament im Lichte des alten Orients, Leipz. 1904.

⁴⁾ См. хотя бы Demimuid, Jean de Salisbury, Par. 1878, p. 134.

изначала въ ходу въ церковномъ искусствѣ базиликъ и послѣдующихъ сооруженій, въ которомъ, между проч., лиса занимала видное мѣсто¹⁾). Быть въ ходу этотъ символизмъ и въ рукописяхъ²⁾.

Со всѣмъ этимъ необходимо считаться изслѣдователямъ средневѣковаго животнаго эпоса, но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что преимущественное значеніе въ его созданіи принадлежало народной сагѣ, главнымъ образомъ—германской и вообще сѣверноевропейской. Древнѣйшее письменное изложеніе этой саги на народныхъ языкахъ явилось на территоріи французскаго говора, но, по признанію самого Г. Париса, нѣкоторая изъ важнѣйшихъ браншей были созданы Нормандіей; достопримѣчательна также въ виду сосѣдства съ Фландріей плодовитость Артура; о Лотарингіи говорилось выше; наконецъ, Г. Парисъ признаетъ, что циклъ Ренара существовалъ въ Нидерландахъ независимо отъ французскихъ поэмъ³⁾.

Возстановить вполнѣ или съ значительной обстоятельностью содержаніе древне-германской и средне- и сѣверноевропейской животной саги или комплекса животныхъ сказокъ того времени, когда изъ нихъ не составились еще большія поэмы,—невозможно,

¹⁾ E. P. Ewans, Animal Symbolism in Ecclesiastical Architecture, Lond., New-York. 1896. См. обѣ интересныхъ изображеніяхъ Рейнеке-лиса въ ст. *Meissner'a* въ „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen“, Bd. LVI.—Въ *Carmina Vedastina. Collected and ed. by W. Sparrow Simpson Stock* помѣщено изображеніе св. *Vedast'a*, взятое изъ оконнаго рисунка *Blythborough'sкой церкви* въ Норфолкѣ, на которомъ святой представленъ въ сообществѣ волка (лиса?) и гуся; въ этомъ изображеніи усматриваются отношеніе къ народной легендѣ о томъ, что святой спасъ однажды изъ волчьей пасти гуся, принадлежавшаго бѣдной семье.

²⁾ Например, въ первомъ регистрѣ папы Иннокентія III по краямъ нарисованы различные фигуры: „Les poissons, les guivres, les oiseaux dévorant des serpents, les scènes de chasse ne sont que les moins étranges de ces représentations; on voit sur ces marges le singe à cheval sur un chien, le loup et le boue jouant, l'un du violon et l'autre de la harpe, le loup affublé d'un froc et d'un capuchon, portant un cierge, en face du porc qui tient un goupillon, un singulier tournoi entre deux oiseaux armés de lances et de boucliers, montés sur des bêtes féroces“. Berger, Les registres d'Innocent IV, p. XIII.—Въ греко-славянскихъ рукописяхъ такжеходимъ изображенія животныхъ. Зооморфические инициалы греческихъ и глаголическихъ рукописей X и XI стол. въ библиотекѣ Синайского монастыря. Съ предисл. Н. П. Кондакова. Спб. 1903.

³⁾ G. Paris, pp. 10—11, 31.

потому что до нась почти совсѣмъ не дошли записи вполнѣ народнаго животнаго эпоса того времени. У Фредегара подъ 612 г. приводится одна *rustica fabula* о волкѣ и его дѣтяхъ, но она составляла, повидимому, только начало довольно значительного по своимъ размѣрамъ повѣствованія о волкѣ¹⁾. Вообще въ первое время среднихъ вѣковъ, когда въ литературу находила доступъ только латинская басня, которая была, по большей части, иноземнаго, нерѣдко книжнаго происхожденія, народныя сказанія о животныхъ рѣдко проникали въ литературу. Въ образованномъ классѣ франковъ басня принимала Эзопическій характеръ, каковымъ отличается у Фредегара. Алькуину также принадлежитъ басня въ Эзопическомъ родѣ, но такая, источникъ которой не опредѣленъ: можетъ быть, она сочинена, а можетъ быть взята изъ народной саги; басня о пѣтухѣ и волкѣ съ христіанскимъ примѣненіемъ. Одинъ король самъ изобрѣлъ басню съ такимъ Эзопическимъ примѣненіемъ точно такъ же, какъ одинъ епископъ воспользовался народнымъ разсказомъ для поученія. Можетъ быть, въ самомъ народѣ франкскомъ басни примѣнялись иногда къ поученію.

Тѣмъ не менѣе, все-таки можно судить приблизительно о существованіи эпоса о животныхъ и о немъ самомъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ данимъ, по намекамъ, по обломкамъ народныхъ сказаний, которые надо, конечно, умѣть выдѣлять въ литературныхъ произведеніяхъ, воспринявшихъ въ свой составъ тѣ или иные частности народнаго эпоса, а также *отчасти* по записаннымъ теперь животнымъ сказкамъ.

Но относительно послѣднихъ необходимо помнить, что онѣ представляютъ весьма ненадежный матеріалъ, болѣе ненадежный, чѣмъ тотъ, который сохранился въ старыхъ литературныхъ произведеніяхъ. Сказки о животныхъ считаются древнѣйшими въ ряду сказокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ распространены въ сильнѣйшей степени. Понятно, какое громадное разстояніе времени и культуры отдѣляетъ современные животныя сказки отъ первого момента ихъ возникновенія и отъ ихъ первичной формы, отъ того времени, когда вѣрили въ существованіе рѣчи у животныхъ²⁾, надѣляли ихъ человѣческою

¹⁾ Wackernagel, 256. Mellenhoff (*Zeitschr f. deutsch. Alterth.*, XVIII) напрасно ударяетъ на употребленіе этой басни въ видѣ подобія.

²⁾ См. Benfey, *Ein Mrchen von der Thiersprache, Quelle und Verbreitung—* въ Orient und Occident, Zweiter Jahrgang, Erstes Heft (1862), S. 133—171;

душою, создали рядъ сказокъ объ ихъ благодарности¹⁾, вмѣняли имъ проступки наравнѣ съ человѣкомъ²⁾! Новое время неизмѣримо отдалилось отъ тѣхъ вѣковъ. Еще Монтэнъ усматривалъ въ животныхъ существа, духовно родственныя человѣку, обладающія такими же, а иногда и болѣшимъ количествомъ ума³⁾, но Декартъ провозгласилъ ихъ „машинами“, и съ того времени самое большое за ними готовы были признавать инстинктъ, либо весьма ограниченный умъ. Лишь въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка литература въ лицѣ Киплинга и Чехова вновь начала представлять животныхъ вполнѣ осмысленными существами и внушать къ нимъ глубокую

J. G. Frazer. The language of animals—въ The Archaeological Review, Vol. I; Н. Ф. Катановъ, Тюркскія сказки о человѣкѣ, понимавшемъ языкъ животныхъ—Ізвѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, т. XIV, вып. 3. На стр. 256 отмѣчена параллель къ мотиву, что „за добро доброму не платятъ“, сравнительные данныя къ которому собраны Колмачевскимъ.

¹⁾ Самый рѣзкий теперь Бенфенистъ въ числѣ аргументовъ въ пользу перенесенія сказокъ въ Европу изъ Индіи указываетъ на то, что въ Индіи сказкамъ, приписывающимъ животному способность къ благодарности, и появленіямъ обѣ особомъ милосердіи къ животнымъ соотвѣтствовала философско-религіозная идея тожества человѣка съ животнымъ и вѣра въ метемпсихозъ, мнѣніе о томъ, что животныя могутъ быть добруѣ человѣка, что они бываютъ признателны. Въ числѣ другихъ благодарныхъ животныхъ и лисъ или шакаль, оказывается признателнымъ въ инд. сказкѣ. *Cosquin*, Les contes etc., 1895, pp. 22—23. Потому-то, по мнѣнію Коскана, Индія въ силу господствовавшаго тамъ особаго воззрѣнія на животный міръ, была отечествомъ животной сказки и басни. Басня была въ Индіи естественнымъ порожденіемъ почвы, а въ тѣхъ мѣстахъ, где не было вѣрованія въ переселеніе душъ, басня не могла развиться въ такой мѣрѣ и имѣть такую силу.—Но А. Marx въ монографіи *Griechische Mrchen von dankbaren Thieren und Verwandtes*, Stuttgart 1889 (см. рецензію въ Liter. Centralblatt 1889, № 52, S. 1777, указывающую, между проч., на то, что въ Zielinski's Marchenkomödie можно найти данныя, которыми Marx не воспользовался), не придерживается мнѣнія о буддійскомъ происхожденіи сказаний о благодарныхъ животныхъ и, напротивъ, вопреки Бенфею утверждаетъ, что басня о львѣ и мыши возникла въ Греціи и оттуда была занесена въ Индію, где роль льва выполняетъ слонъ.—Къ романической подробности о благодарномъ львѣ см. указанія у *Comte de Puymaigre*, Les vieux aut. Castill., II, p. 109, Ex. CXV.

²⁾ О судахъ надъ животными и о смертныхъ приговорахъ имъ см. въ A. Franklin, La vie priv e d'autrefois. 2 me s rie: Les animaux. Parig. 1899; Я. Канторовичъ, Судебные процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка—Сѣв. Вѣстникъ 1897, № 3.

³⁾ См. Lange, Geschichte des Materialismus, I-ter Bd., Iserlohn. 1876, 201, 396, fgde.

симпатію. Современныя сказки о животныхъ являются лишь весьма отдаленнымъ отзвукомъ древнѣйшихъ представлений о животныхъ и поддали сильному влиянию такихъ литературныхъ произведеній, какъ басни. Оттуда-то сходство нѣкоторыхъ современныхъ сказокъ о животныхъ у отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Но было ли такое же сходство и встарь? Съ большою вѣроятностью можно предполагать существование пѣкогда болѣшаго разнообразія и мѣстныхъ оттѣнковъ въ сказаніяхъ о животныхъ у разныхъ племенъ несмотря на общую близость послѣднихъ къ животному миру.

На то, что у германцевъ существовала такая близость, указываетъ весьма древнее употребленіе именъ животныхъ, орла, ворона, волка, медвѣдя и др. для образованія человѣческихъ именъ. Таковы, напр., известныя историческія имена Vulfila, Hraban, Wolfram, Wolfgang и др.¹⁾. Въ частности производство личныхъ именъ отъ названія волка было въ большомъ ходу у арійскихъ народностей²⁾. У тюрковъ³⁾ волкъ игралъ почетную роль: отъ него вели

¹⁾ Wackern., Gesch. d. deutschen Liter²., § 3, 16; § 41, 7.

²⁾ См. цитов. выше статью Е. Mc. Clure: „Early Welsh (in relation to other Aryan) personal names“, p. 264: „the numerous Aryan personal names containing wolf show that the idea of naming from this family of animals was familiar... in the Welsh Louern, contained in the name Conlouern, we find a word which, according to Professor Rhys, is coradical with the Latin Lupus [Lu(p)arn=Lovern]. The Cornish Lowern and the Breton Louarn mean fox; and the eldest son of the Duke of Argyll bears a name which mean the same thing, and which perpetuates the memory of the bader (Loarn) of the Dalriadic Scots when they invaded Western Scotland“. Въ The Genealogy of Iestyn, the son of Gwrgan читаемъ (Iolo Manuscripts, p. 339): „Bleddyn, the son of Bhun, was an exceedingly good king, and many times triumphant over his enemies; whence he was called Bleddyn the wolf;—but he was held in high esteem“.—Интересенъ стихъ XLI въ Y Gododin, который въ переводѣ Stephens'a (p. 245) читается такъ: ...where men hold a wolf's mane without a stick in the gand.—Объ именахъ, произведенныхъ отъ названий медвѣдя и волка въ германскихъ языкахъ, см. у Förstemann, Namenbuch, I, 1856, 223—235 и 1339—1357, и у Kleinpaul, Menschen und Völkernamen, Leipzig, 1885, 90 fgde; о такихъ же именахъ въ славянскихъ языкахъ см. въ статьѣ A. Brückner'a въ Arch. f. slav. Philol., XXI, 1 u. 2. Heft (1899), S. 19—20. См. еще A. W. Moore, The surnames and place-names of the Isle of Man, Lond. 1890, pp. 83 a. 114: Liut-wolf (liot-ulfr)=„people wolf“; Sontulf, or Sandulf, from Sont or Sond, i. e. Santh, ‘sooth, true’, and Ulf-wolf. Ulb or Ulf, ‘wolf’, is found singly on the Olaf cross, at Ballagh.—У Египтянъ же волкъ, подобно гиппопотаму и крокодилу, употреблялся какъ эмблема Тифона, считавшагося причиной всячаго зла.

³⁾ См. ст. Юрьевича въ Зап. Од. Общ. ист. и древн., VIII, 36: „Монгольское Харачино—черный волкъ. Ср. имя Бурте-чино синий волкъ одного изъ пред-

свое происхождение некоторые знатные роды, онъ же являлся воспитателемъ некоторыхъ по народнымъ представлениямъ. Отсюда, можетъ быть, роль волка въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Равнымъ образомъ первоначально и германцы скорѣе чтили волка, чѣмъ относились къ нему съ пренебреженiemъ¹⁾. Открываютъ связь волка съ Одномъ. Название волка въ нѣмецкомъ эпосѣ Isengrim сближаютъ съ прозвищемъ Одина Hrinnir. Обращаютъ, далѣе, вниманіе на то, что въ одной мѣстности послѣдніе колосья оставляются волку въ качествѣ корма для его лошади, а въ другой мѣстности—для лошади Одина²⁾. Въ Эксетерской англосаксонской рукописи говорится объ „Eormanrîces wylfenne geþoht“ (wölfscher sinn)³⁾. Вспомнимъ еще роль волка въ родословіи Вельфинговъ (иначе Гвельфовъ). Сагический родоначальникъ ихъ носилъ имя Isenbart'a, какъ и отецъ Изенгрина. Въ числѣ именъ встрѣчается Wolf⁴⁾. На основаніи всего этого позволительно, кажется, заключить, что первоначально у германцевъ волкъ не былъ ставимъ въ слишкомъ комическое положеніе въ животной сагѣ⁵⁾ и являлся издавна однимъ изъ главныхъ героевъ ея.

Главные герои подлинно-германской животной саги, когда королемъ животнаго міра считался еще медвѣдь, именно Ursus, lupus, vulpes, выступаютъ уже у Froumunt'a Тегернзейскаго. Въ одномъ стихотвореніи, по желанію аббата, убѣждая своихъ собратій и учениковъ заняться серьезными стихотвореніями, Froumunt писалъ:

Si facerem mihi pendentes per cingula caudas,
Gesticulans manibus, lubricice stans pedibus:

ковъ Чингисхана, Кендучино у Рашигъ-Эддина. Харачинъ называлось, по свидѣтельству Палласа, одно монгольское племя, подвластное Китаю.—Въ одной древне-туркской былинѣ (Огузовъ), по мнѣнію барона Розена, встрѣчены „слѣды крайне древняго культа волка, что выражается въ обращеніи Казаньбека къ волку со словами: „Лицо волка благословенію“ (Н. Время, 1899, № 8469).

¹⁾ Kleinpaul, Menschen und Völkernamen, 91.

²⁾ Germania X (XXII), S. 240.

³⁾ W. Grimm, Heldensage², 21–22. Cp. ib. „wulvîne blicke“ Ганелона.

⁴⁾ Впрочемъ, Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbr., 1879, 17-25, толкуетъ иначе, въ томъ числѣ и сагу о Ромулѣ. См. еще замѣтку P.: De infantilis, sugentibus luparum ubera—Vox Urbis, Ann. I (MDCCCXCIVIII), num. III, p. 22.

⁵⁾ Въ Engadin'ѣ, въ Норвегіи и въ другихъ мѣстахъ волка замѣняетъ медвѣдь. См., напр., Рэтороманскую сказку о „Медвѣдѣ и Лисѣ“. См. замѣтку R. Petsch'a въ Beil. z. Allgem. Zeitung, 1902, № 119.

Si *lupus* aut *ursus* (sed vellem fingere vulpem)

Si larvas facerem furciferis manibus...

Gauderet mihi, qui propior visurus adesset.

Фроумундъ не даромъ поставилъ во множ. числѣ caudas: лишь съ нѣсколькими хвостами являлся какъ бы образомъ лисьихъ свойствъ въ сильнѣйшей степени¹⁾. Что представлениа, о которыхъ говорить Фроумундъ, были не школьнаго и монашескаго, но народнаго²⁾ происхожденія, доказываетъ существованіе подобныхъ же мимическихъ представлений у индійцевъ и у сибириаковъ. Фроумундъ разумѣть, между прочимъ, пляску ряженыхъ, замѣнявшихъ пляшущихъ медвѣдей³⁾, но, повидимому, къ ней присоединялись какія-то другія представлениа, имѣвшія отношеніе къ животной сагѣ. Животная сага находила примѣненіе въ пѣсняхъ, соединявшихся съ танцами и переряживаніемъ. Встрѣчаются запрещенія священникамъ позволять, чтобы передъ ними совершились *turpia josa cum ursso*.

Въ этой сагѣ германцевъ лиса въ противоположность культу ея на далекомъ востокѣ⁴⁾ могла издавна пользоваться незавидною репутациею⁵⁾. По салическимъ законамъ название *vulpecula*—брань. Во врем-

¹⁾ О многихъ хвостахъ см. *Kölling*, Beiträge, Bresl. 1876, 249.

²⁾ См. *Schaer*, Die altdeutschen Faechter und Spielleute, S. 43.

³⁾ См. замѣчанія А. Н. Веселовскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, юль, стр. 113. О русскихъ скоморохахъ—медвѣдникахъ см. въ его же Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха, VII. Русские медвѣдники заходили даже въ Италію, о чемъ свидѣтельствуютъ слова Аристотеля:

Ma come l'orso suol, che per le fiere
Menato sia da Rusci o da Lituani....

О личинѣ чудовищной лисы см. тамъ же, VI—X, 129.

⁴⁾ См. статью: Fuchskultus in Japan—Am Ur-quell, VI Bd., 1 Heft; см. далѣе статью В. Gustawicz, Lis mikita w bajce i wierzeniu ludowem wschodnich Azyatow—Lud, t. VIII, zesz. 1 (1902). У японцевъ злой духъ въ видѣ лисы или барсука вселяется въ душу грѣшника.

⁵⁾ О названіяхъ лисицы въ индо-европейскихъ и финнскихъ языкахъ отъ корня *lip*—ломать, рвать, похищать, убивать см. въ ст. Θ. П. Кеннена: „Материалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейского и финно-угорского племени“, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 11, стр. 40—41. См. еще А. v. Edlinger, Erklärung der Tier-Namen aus allen Sprachgebieten, Landshut 1886, S. 46. Уже въ „Пѣснѣ пѣсней“ есть стихъ, призывающій ловить лисицъ и лисенятъ, портиящихъ виноградники, и такую же харак-

мена саксонского короля Гарольда предатель Madoc Min былъ прозванъ Madoc'омъ лисомъ¹⁾). Не встречаются человѣческія имена которые были бы произведены отъ древне-нѣмецкаго *fohâ*²⁾ (это старо-верхне-нѣмецкая форма; готская—*fauho*), между тѣмъ какъ нарицательныя имена волкъ и медвѣдь употреблялись и какъ собственныя имена человѣка. Производныя имена отъ названія лисицы въ яз. старо-французскомъ и провансальскомъ употреблялись для обозначенія неприглядныхъ качествъ. Такъ *volpîh*, *volpîho* и *volpilatre* въ старо-франц. яз., а въ провансальскомъ яз. слово *volpîhs* означали труса. Цѣлту лисьей шкуры издавна придавалось у германцевъ особое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ рыжеволосый человѣкъ считался такимъ, которому не слѣдуетъ довѣрять³⁾. Это наблюденіе обратилось въ пословицу у нѣмцевъ и у нась⁴⁾. Мало по малу и

теристику лисы, какъ „причиняющей вредъ“, находимъ и въ другихъ памятникахъ, между проч.—въ армянской сказкѣ „Лиса и Волкъ въ западнѣ“, переведенной Марромъ—Живая Старина 1891, вып. IV, стр. 151—155.

¹⁾ Jolo Manuscripts, Miscellanies, p. 612.

²⁾ Первоначально и у германцевъ названіе лисицы было женскаго рода. Мужскій родъ нѣм. *Fuchs*—позднѣйшаго происхожденія. Этимологію слова *fuchs* см. въ ст. Uhlenbeck, Etymologisches—Beiträge zur Geschichte der deutschen Spr. u. Lit., XXII Bd., 3 Heft (1897), S. 538—539 и у R. Jordan, D. englischen Säugetiernamen, Heidelb. 1903, 67—68. Эпитеты лисы въ позднѣйшихъ древне-сѣверныхъ поэмахъ см. у Vigfusson, Corpus poetum boreale, II, 454; см. еще у Kölbing, 249.—Въ Бихарскомъ округѣ Венгрии, где живутъ румыны, лиса, подобно медвѣду, играетъ часто значительную роль въ именахъ: *Vulpitor* и т. п. Jung, Roemer und Romanen in den Donauländern, Innsbr. 1877, S. 296

³⁾ Въ Roman de Renart неоднократно какъ бы подчеркивается цвѣтъ шкуры Ренара. Напр., I, 152: *Renart li rous*. Въ числѣ совѣтовъ, преподанныхъ царемъ Рудлибу, первый гласилъ: „не довѣряться рыжимъ, такъ какъ то нехорошіе люди“. О рыжемъ цвѣтѣ, какъ о признакѣ хитрости, см. Jiricsek, Deutsche Heldenagen, I, 60—61; E. Martin, Neue Fragmente des Gedichts van den Vos Reinaerde etc., 1889, S. 31. См. еще статью: „Почему Китайцы представляютъ дьяволовъ рыжеволосыми“—въ Ж. М. Н. Пр. Впрочемъ, до XII-го стол. предразсудокъ касательно рыжеволосыхъ еще не вполнѣ утвердился въ Германіи (Wackernagel, 217). См. его же Gesch. d. deutsch. Liter., § 3, 16a. Въ миеническомъ творчествѣ скандинавовъ рыжий цвѣтъ отличаетъ свободныхъ (Эдда).—О предразсудкѣ галлобретанцевъ противъ рыжихъ (англо-саксовъ) см. P. Paris, Les romans de la Table Ronde, IV, 362. У нась существовалъ тотъ же предразсудокъ. См., напр., въ Ипатскомъ списѣ лѣтописи: „Андрѣй же послушавъ лестиваго Семьюнка Чермынаго“ (499); „безаконный, лихий Семьюнько, подобный лисицѣ Чермыности ради“ (Ип., 506).

⁴⁾ Англійскіе стихи о томъ, что должно избѣгать рыжаго человѣка, см. во Wright, A selection, p. 249.

въ отношеніи лисы *rot* стало обозначать лживость, хитрость, и эти отличительные свойства лисы приводили въ связь съ цветомъ ея шкуры и слово *rot* начали соединять со словомъ *übel*: *übel unde röt*¹⁾.

Появленіе льва въ западно-европейскомъ животномъ эпосѣ могло восходить къ весьма раннему времени и само по себѣ не доказываетъ связи этого эпоса съ Эзопической баснею. Левъ могъ издавна упоминаться въ народныхъ сказаніяхъ, Въ произведеніяхъ, усвоемыхъ Кимрскимъ бардамъ VI—VII вв., уже упоминается левъ. Въ ряду именъ древняго Уэльса встрѣчаются такія, въ которыхъ название льва является одною изъ составныхъ частей: *Lewfran* (*Lion-crow* въ англійскомъ переводе), *Llewarch* (*Lion horse*). Вообще Кимры были хорошо знакомы съ именемъ этого животнаго, и это имя и теперь еще въ ходу въ съверномъ Уэльсѣ. Какимъ путемъ оно проникло къ Кимрамъ, чрезъ Римлянъ ли, привозившихъ львовъ для гладіаторскихъ боевъ, или какъ-нибудь иначе, еще не выяснено²⁾. Левъ бытъ извѣстенъ и Каролингскому эпосу. Въ произведеніи Санть-Галленского монаха, писавшаго черезъ 70 лѣтъ послѣ смерти Карла В., „De gestis Karoli Imperatoris“³⁾ есть разсказъ о борьбѣ Пипина со львомъ, и та же подробность вошла и въ эпосъ, гдѣ вообще левъ выступаетъ нерѣдко⁴⁾. Скажутъ, что въ народѣ свѣдѣнія о львѣ могли здѣти церковнымъ и вообще книжнымъ путемъ, но это не устраниетъ возможности появленія льва въ *народномъ* эпосѣ въ качествѣ одного изъ героевъ. Вопреки Г. Парису, полагающему, что левъ вошелъ въ западный животный эпосъ литературнымъ путемъ⁵⁾, кажется, можно согласиться

¹⁾ Germania IX (XXI), 350—351.

²⁾ См. ст. *Stephens'a*: „Marwnad Aeddon o Von“, *The Gododin*, Appendix, p. 380.

³⁾ Кн. II, гл. XV.

⁴⁾ О Пепинѣ говорилось, что онъ *ocist le lion*. Mainet, p. 25. См. G. Paris, *Hist poét. de Charlemagne*, p. 222. Въ пѣснѣ о Роландѣ: *Plus se fait fiers que lions ne lieparz*. Подробно объ упоминаніяхъ касательно львовъ въ старофранцузскомъ эпосѣ и о томъ, какъ французы могли знать это животное, см. у F. Bangert, *Die Tiere im altfranzösischen Epos*, Marburg 1885, S. 183—191. Въ „Li Livres dou tresor“ Брунетто Латини говоритъ, что „имя льва происходит изъ греческаго языка и обозначаетъ въ нашемъ языке короля, потому что левъ именуется королемъ звѣрей“.

⁵⁾ P. 28.

съ де-Губернатисомъ, что онъ проникъ въ народныя сказанія съ востока, но издавна¹⁾, въ незапамятныя времена.

Какъ бы то ни было, уже съ VII в. левъ постепенно оттеснялъ медвѣдя въ животной сагѣ Европы и занять первенствующее²⁾ мѣсто. Колмачевскій и Г. Парисъ отрицали главенство медвѣдя въ первоначальной животной сагѣ сѣверныхъ народовъ, но это едва ли основательно. У Фроумунда Тегеризейскаго въ передачѣ одной притчи сказано: „dominans ursus eodem regnabat quam acer, cui dominationem profitentur omnes bestiae“³⁾. Подробность о львѣ и муравьевѣ несомнѣнно относилась первоначально къ медвѣдю и муравью⁴⁾. Повидимому, медвѣдь⁵⁾, подобно волку, занималъ видное нѣкогда мѣсто въ народныхъ представленіяхъ средней и сѣверной Европы⁶⁾. Ссылка на преданія финновъ и эстовъ сохраняетъ свое значеніе, и Колмачевскій ничѣмъ ея не опровергнулъ⁷⁾.

¹⁾ Letteratura indiana, p. 127. Cp. Grimm, Klein. Schriften, V, 461 и. 464. Интересно арабское наименование льва usâma, ganz ähnlich unserem (König) Nobel der Thiersage. M. Grünert, Der Löwe in der Literatur der Araber, Prag 1899, S. 5.—Интересно, что левъ упоминается и въ нашихъ былинахъ. Какъ онъ проникъ въ наши народныя сказанія и орнаментъ, подлежитъ еще выясненію. Левъ встрѣчается въ Керченскихъ фрескахъ: „На хвостѣ нѣть кисти. Какъ для леопардовъ, такъ и для льва живописецъ очевидно не имѣлъ живыхъ образцовъ“, говорить Усовъ (Древности, т. VI, стр. 30 библиографіи). На Кавказѣ левъ и теперь выступаетъ въ животныхъ сказкахъ. C. Pauli, Die Benennung des Löwen bei den Indogermanen. Ein Beitrag zur Lösung der Streitfrage über die Heimat des indogermanischen urvolkes, Münch. 1873, S. 21, не отрицаетъ возможности существованія льва въ средней Европѣ во времія, „die man als die Zeit vor der ersten Trennung der Indogermanen anzusätzen hätte“.

²⁾ См. древнѣйшіе памятники западно-европейскихъ сказаний о животныхъ: у Фредегара, въ одномъ латинскомъ стихотвореніи времени Карла В., въ „Ecbasisis“⁸⁾, у Aimoins⁹⁾ и въ позднѣйшей нѣмецко-французской баснѣ.

³⁾ Pez, Thesaurus anecdotorum, vol. III, p. III, Col. 494.

⁴⁾ Grimm, Kl. Schrift., II, 109—110. Cp. Voretzsch—Ztschr. f. rom. Phil., XV, 373.

⁵⁾ По словамъ Бенфея, название льва не одинаково въ индо-германскихъ языкахъ. Слѣдовательно, какъ же могло существовать общее преданіе о львѣ, какъ о царѣ звѣрей? О названіяхъ льва см. Edlinger, o. c., 70—72.

⁶⁾ См. J. J. Bachofen, Der Baer in den Religionen des Alterthums, Basel 1863; A. Spalding, Der König der Tiere bei den alten Germanen (Beil. zum XVII. Bericht über d. Kön. Progymn. zu Neumark Westpr., 1890).—Въ „Царицѣ фей“ Спенсера есть эпизодъ, внущенный ирландскимъ преданіемъ, производящимъ отъ медвѣдя родъ Mac-Mahonовъ, называвшихся нѣкогда Fitz Ursulas. У норвежцевъ имя Бѣрнъ (медвѣдь)—очень распространенное.

⁷⁾ О почитаніи медвѣдя народами финнскаго племени Я. Гриммъ говорилъ въ статьѣ „о финнскомъ эпосѣ“ (стр. 175—176 русскаго перевода въ Ж. М. Н. Пр.). См. далѣе въ извлечении изъ монографіи Алквиста—Ж. М. Н.

Наконецъ, Я. Гриммъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе придавали особую важность нѣкоторымъ именамъ героевъ нѣмецкаго животнаго эпоса, полагая, что въ нихъ содержится наиболѣшее доказательство древности того эпоса. Эти имена—несомнѣнно человѣческія, перенесенныя на животныхъ потомъ¹⁾. По мнѣнію Гримма, эти имена должны были имѣть смыслъ, и послѣдній становится яснѣ только тогда, когда отодвинемъ возникновеніе ихъ въ весьма раннѣе время.

Теперь нельзя уже отстаивать этимологію именъ Isengrim и Reinhard, предложенную Я. Гриммомъ. Г. Парисъ отвергъ тотъ смыслъ, какой усвоялъ этимъ словамъ Гриммъ. Но онъ подобно послѣднему также придаетъ особую важность надѣленію нѣкоторыхъ животныхъ особыми человѣческими именами. Онъ говорить, что это составляеть характерное отличіе французскаго романа о Лисѣ и что съ появленіемъ идеи надѣленія нѣкоторыхъ животныхъ человѣческими именами было положено начало истинному созданію цикла. Г. Парисъ справедливо считаетъ уясненіе такого употребленія именъ одною изъ интереснѣйшихъ проблемъ изслѣдованія исто-

Пр. 1877, № 12, стр. 276. Другія указанія см. у *Cruel'я: Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einwanderung*, Detmold 1883, S. 170. *H. Харузинъ*, „Медвѣжья присяга“ и тотемическія основы культа медвѣдя у остыковъ и ногуловъ—Этнографическое Обозрѣніе 1893 г., кн. XXXVIII и XXXIX. Сѣрошевскій, Якуты. Извѣстія Красноярскаго подѣ-отдѣла восточно-сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географическаго общества 1902 г.—Записки западно-сибирскаго отдѣла И. геогр. общества, кн. XXX, Томскъ 1903, ст. И. Я. Неклепаева, стр. 76. По мнѣнію *Потанина*, Отголоски сказки обѣ Ерусланѣ—Этнограф. Обозр., кн. XLVI (1900), № 3, стр. 14, „сказка обѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ была принесена къ намъ не изъ Ирана, а изъ Орды; она возникла въ ордѣ и оттуда попала въ одной редакціи къ намъ, а въ другой въ Иранъ. Зародыши ея кроются въ животномъ эпосѣ орды. Одинъ изъ такихъ зародышей указанъ въ тюрко-монгольскихъ разсказахъ о львѣ (арсланѣ), который старается узнать, кто сильнѣе, арсланъ или человѣкъ. Въ болѣе древнихъ редакціяхъ вмѣсто льва, можетъ быть, стояль медвѣдя; сначала подѣ именемъ арслана понимали, можетъ быть, медвѣдя, потомъ стали понимать льва, а затѣмъ арсланъ превратился въ имя богатыря Арслана“.—О сибирской „медвѣжьей драмѣ“ см. у А. Н. Веселовскаго, Три главы изъ исторической поэтики. О миѳическомъ значеніи медвѣдя говорилъ J. Grimm, D. Myth, I³, xxviii. Иначе объясняль греческое название созвѣздія M. Müller. См. также брошюру G. Paris'a: *Le Petit Poucet et la Grande Ourse*, Par. 187 и въ особенности J. F. Hewitt, *History and chronology of the Myth-making Age*, Lond. MDCCCCI, pp. 110, 117—119.

¹⁾ Wackernagel, 248 и. 250.

ріп романа о Лисѣ: со времени первого такого употребленія начи-нается дѣйствительная история животной эпохи¹⁾.

Съ этимъ можно согласиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо начать исторію жив. эпоса съ довольно далекаго времени. Выработка указанныхъ именъ должна была произойти давнѣе, чѣмъ указывать MÃ¼llenhoff въ не разъ уже цитованной здѣсь статьѣ (Zeitschr. XVIII, 1 fgde). Всльдь за другими MÃ¼llenhoff обратилъ вниманіе на то, что по одному историческому извѣстію подъ 1112 г. епископъ въ Laon'ѣ называлъ своего врага Изенгриномъ²⁾ ради волчьей физіономіи (propter lupinam speciem): sic enim *aliqui* solent appellare lupos. Выраженіе *aliqui* указываетъ, по мнѣнію MÃ¼llenhoffа, на недавнее въ то время примѣненіе этого названія къ волкамъ, но вѣрнѣе объяснилъ это выраженіе Вакернагель: „это ученый аббать, который нѣсколько презрительно такъ выражается“³⁾. Очевидно⁴⁾, въ началѣ XII в. въ Ланѣ имя Изенгрима употреблялось какъ прозвище волка, а это свидѣтельствуетъ о существованіи и распространіи эпическихъ сказаний о волкѣ въ предшествовавшее время⁵⁾.

Немаловажно то обстоятельство, что Isengrim встречается какъ личное имя уже въ извѣстіяхъ VII—IX столѣтій⁶⁾. Вопреки мнѣнію Г. Париса⁷⁾ это имя подходитъ къ волку по своему смыслу⁸⁾.

¹⁾ Pp. 18-19.

²⁾) Isengrinus = Isengrimus, по мнению G. Paris'a (p. 20).

²⁾ S. 259.

⁴⁾ Это признает и G. Paris—p. 20.

⁵⁾ F. Novati, Quelques remarques sur un très ancien document de la fable animale en France—Le Moyen Age, Aout 1892, p. 181, разсмотрѣвъ этотъ знаменитый разсказъ Guibert'a de Nogent и поправки къ его тексту, предложенныя учеными, пришелъ къ выводу, что изъ этого разсказа вытекаетъ одно: que vers 1112 dans le nord de la France on appellait le loup „Isengrin“ et qu'un homme violent et m  chant pouvait  tre d sign  par ce surnom.

⁶⁾ Имя Изенгрима носить, напр., другъ Оттона. См., „Isengrim, der Freund Otto's“ въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, VII, Bd., Hannov. 1881. Lübben считалъ Ратисбонскаго епископа древнейшимъ известнымъ носителемъ этого имени (933).

⁷⁾ См. р. 23 его труда.

⁸⁾ По мнению немецкихъ ученыхъ, Ysengrimus = isangrīn, isengrīn и означаетъ der mit dem eisernen Helme. Ср. въ главѣ: „Names obsolete before Written Records“ въ вышенназванной книгѣ A. W. Moore: The surnames and place-names of the Isle of Man, Lond. 1890, p. 113: „*Grims*, the genitive of *Grima*, ‘a hood’ or ‘a cowl’ may reasonably be conjectured to be the whole name of which the letters R. I. M. S. occur on a cross at Kirk Michael.—*Grimr* was an epithet applied to Odin from his travelling in disguise. It is a common mascu-

Равнымъ образомъ и французское название лисицы *renard* произошло оть германской формы этого имени. Г. Парисъ¹⁾ призналъ этимологію этого имени, предложенную Гrimмомъ, подорванною, а слѣдовательно уничтоженною и главную опору теоріи Гrimма касательно германского происхожденія *Thiersage*. Но германская этимологія²⁾ не подорвана, и чрезвычайно важно, что имя *renard* вытѣснило старофранцузское название лисицы *golpil*, *goupil*, *wolpil*, *woupil*³⁾ и заняло его мѣсто. Въ *Roman de Renard* оба эти названія встрѣчаются уже рядомъ⁴⁾, причемъ *Renard* употребляется болѣе какъ собственное имя, а *gourpil*—какъ нарицательное. Имя *Reinard*, очевидно, употребляли уже въ XI-мъ столѣтіи для обозначенія особеннаго хитреца. Въ „*Ysengrimus*“ Ниварда уже находимъ имьющую французскій оттѣнокъ форму *Reinardus*, образованную изъ *Raynard*⁵⁾.

line proper name in Iceland“.—Ср. эпитеты въ эпосѣ: *Herugrim*, *swertgrim*, на которые указалъ Вильмаръ. Другіе толковали имя *Isengrim*а какъ *eisengrimig*, желѣзно-лютый, находя въ этомъ словѣ превосходное обозначеніе рѣжущей жадности, раздирающаго укушенія волка.

¹⁾ Р. 23.

²⁾ *Reinardus* = *Reinardus* = *Reinhards* = *Reginhard* = *Raginhard*: „*sehr hart, urhart*“ по объясненію Lübben'a. См. еще у *Ed. du Merl*, *Poésies populaires latines antérieures au douzième siècle*, Par. 1843, p. 303.

³⁾ *Goupil* произошло оть *vulpeculus*, а *goupille* оть *feminin. vulpe cula*.—Pasquet въ Бельгії написалъ этюдъ о *Goupil et Renard*. На слово *volpil* обратилъ вниманіе уже А. В. Шлегель, *Observations*, p. 116.

⁴⁾ См., напр., *Le roman de Renart*, publ. par E. Martin, I, 134:

P. 148:	Si s'escrent 'voiz le gourpil! Si saillirent ou charretil, Ou il cuderent! Renart prendre. Assez i a de tel viande Con Renars li gourpil demande.
---------	---

⁵⁾ Имя *Raynardus* находимъ въ дарственной, содержащейся въ Ms. Breviaarium in Psalmos (IX в.) Парижской Национальной библиотеки: *Conventio domni abbatis Odonis con Raynardo milite, filio Itherii. Rev. crit. 1901, № 4*, p. 69. Этимъ опровергается примѣч. 1-е Гастона Париса на стр. 22. Отмѣтимъ еще интересную подробность, содержащуюся въ ст. *Lloyd'a: The personal name-system in old Welsh*.—У Суммродор, IX, 51 въ примѣчаніи касательно бретонскаго (во Франції) имени *Cadnon* (Zeuss, p. 137): „*Cadno*, a personal name of the ordinary type, is curiously enough in many parts of Wales the regular name for a fox, elsewhere known as „llwynog“. As the name itself bears no obvious reference to the qualities of the animal („battle hero“ would perhaps render it roughly), it is possibly of the same type as the Teutonic *Reynard*, coming to us from a Welsh beast-epic of which we have no other trace“.

Г. Парисъ¹⁾ признаетъ германскими нѣкоторыя имена во французскомъ животномъ эпосѣ, но не придаетъ этому обстоятельству того значенія, какое усвояль ему Я. Гrimmъ, и наивно замѣчаетъ: „peut-être, un Renard, un Tibert, un Brichemer, avaient été surnommés „le goupil, le chat, le cerf“, et on reporta aux animaux les noms des hommes qu'on leur avaient comparés“. Кажется, въ данномъ вопросѣ болѣе правы нѣмецкіе ученые и въ числѣ ихъ Müllenhoff и Förster, стоящіе за германское происхожденіе средневѣковаго животнаго эпоса и за возникновеніе его на романо-германскомъ пограничье. Самъ Г. Парисъ признаетъ²⁾, что нѣкоторыя имена, вошедшия въ этотъ эпосъ, были въ ходу лишь на берегахъ Рейна, и склоняется къ признанію Лотарингіи первымъ отечествомъ средневѣковой животной эпики.

Во всякомъ случаѣ, какому бы времени и мѣсту ни усвоять пріуроченіе собственныхъ именъ къ волку и Лису, а также медведю, нельзя не признать, что эти имена вошли въ употребленіе въ средѣ, гдѣ была значительная примѣсь германства, и при томъ—въ *народной*. Въ другія мѣстности они были занесены позднѣе, по всей вѣроятности—жонглерами (= Spielleute), на которыхъ указывается и стихотвореніе „Sacerdos et lupus“. Изъ народнаго и полу-народнаго творчества эти имена могли быть перенесены въ латинскія произведения. Можетъ быть, выработка этихъ именъ была только довершеніемъ развитія животной саги въ народѣ. Давать собственные имена и прозвища животнымъ, характеризовать ихъ особыми эпитетами, безспорно,—старозападный приемъ, принадлежащий народному пошибу. Напрасно Г. Парисъ утверждалъ, что помимо романа о Ренарѣ нѣть примѣровъ надѣленія дикихъ животныхъ именами и что невѣроятно, чтобы таковыя животныя получили имена въ чисто народномъ творчествѣ³⁾. Можно счесть преувеличеніемъ замѣчаніе Я. Гrimма: „прозвища звѣрей означаютъ процвѣтаніе животнаго эпоса, и ихъ отсутствіе въ Эзопической баснѣ только показываетъ, что оно тогда отцвѣтало и тускнѣло“⁴⁾, но надо согласиться съ мнѣніемъ Вильмара, что „имѣть въ виду самихъ звѣрей въ ихъ дѣйствительной, опущительной жизни, а не одну

¹⁾ P. 24.

²⁾ P. 25—26.

³⁾ P. 28.

⁴⁾ Grimm, Kl. Schriften, V, 459—460.

только абстракцію звѣря, аллегорію, когда ему даютъ такія живыя, превосходныя прозвища¹⁾). Упомянемъ, что въ Калевалѣ пчела названа *Mehiläinen*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи землеройка называется *Simon*, бѣлка—*Jacquet* и *Fouquet* и т. п., у насъ Лиса именуется, Патрикѣевной, медвѣдь—Михайломъ Ивановичемъ и т. п. Потому, еслибы даже считать имена Изенгрима и Рейнгарта позже внесеными въ животную сагу, все-таки вполнѣ возможно допустить, что они привзошли въ средневѣковой искусственный эпосъ изъ народной саги.

На основаніи всего сказанного позволительно, кажется, сдѣлать выводъ, что ни одна изъ выдвинутыхъ наукою гипотезъ касательно фольклора, въ примѣненіи къ животному эпосу, не можетъ имѣть притязанія на абсолютную достовѣрность, какъ равно ни одна не можетъ подлежать устраниенію. Врядъ ли основательно преувеличеніе значенія древней басни въ развитіи средневѣковаго животнаго французско-германскаго эпоса. Эзопическая басня была лишь готовою литературною рамкою, въ которую можно было ввести народную сагу при обработкѣ послѣдней въ литературѣ. Басня могла также сообщить этой сагѣ свои подробности и несомнѣнно вліяла на писателей и перехожихъ увеселителей. Къ вліянію басенъ присоединилось воздействиѣ другихъ литературныхъ памятниковъ сроднаго направленія. Тѣмъ не менѣе пунктомъ отправленія средневѣковой эпоса все-таки надо считать народныя сказанія, или саги. Чрезвычайно живой интересъ средневѣковыхъ поэтовъ, читателей и слушателей къ повѣствованіямъ о Лисѣ объясняется, прежде всего, исконнымъ развитіемъ послѣднихъ въ народной средѣ. Въ животной сагѣ среднихъ вѣковъ отзывались тотемическія повѣрья отдаленныхъ временъ вмѣсть съ наполнявшою ихъ племенною враждою, животныя сказки и своеобразныя построенія животнаго эпоса, выработанныя въ центрѣ и на сѣверѣ Европы²⁾. Но, конечно, теперь нельзя уже говорить вслѣдъ за Я. Гриммомъ и его послѣдователями, что отъ средневѣковаго животнаго эпоса „вѣеть запахомъ первобытныхъ лѣсовъ“.

Н. Дашкевичъ.

¹⁾ *Vilmar, Literaturgeschichte*, 6-te Auflage, S. 250.

²⁾ Нѣсколько сѣверныхъ пѣсень о медвѣдѣ, волкѣ и лисѣ приведено въ книгѣ *G. Ragusa-Moleti, Poesie dei popoli selvaggi o poco civili*, Torino-Palermo 1891, pp. 160—165 изъ *P. Mantegazza, Un Viaggio in Lapponia*.